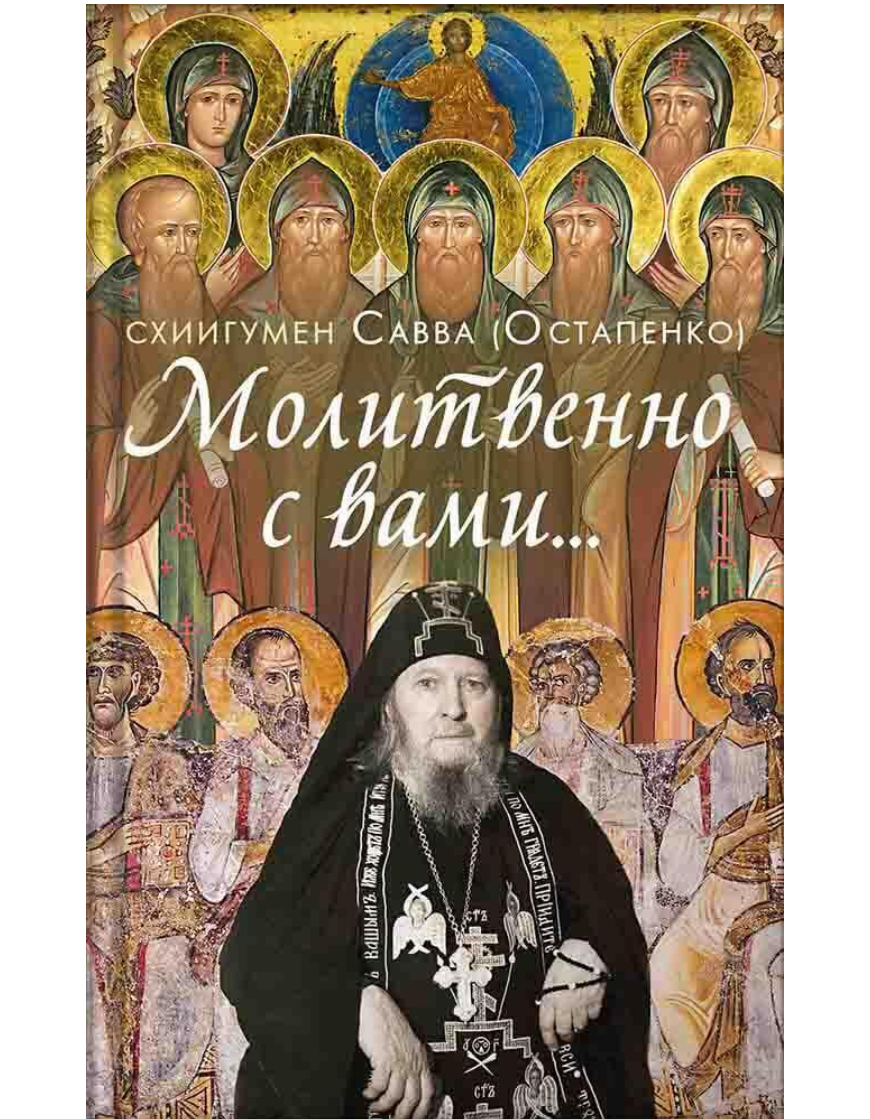

The background is a colorful fresco depicting several saints with long beards and golden halos. At the top center, Christ is seated on a blue circular background. Below him are five more saints in the top row, and four more in the bottom row. The overall style is traditional Eastern Orthodox iconography.

СХИИГУМЕН САВВА (ОСТАПЕНКО)

Молитвенно с вами...

схиигумен Савва (Остапенко)

Елена Е. Зубкова

Молитвенно с вами...

**Жизнеописание, воспоминания
духовных чад, труды и
поучения схиигумена
Саввы (Остапенко)**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73485303

*Молитвенно с вами... Схиигумен Савва (Остапенко); Издательство
Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря; Печоры; 2021
ISBN 978-5-905113-57-4*

Аннотация

Схиигумен Савва (Остапенко; 1898–1980) – известный духовник, старец Псково-Печерского монастыря, строгий, но добрый и любящий пастырь, делатель Иисусовой молитвы, неутомимый труженик, чья жизнь была полна тяжелейших испытаний. Он получил от Бога множество духовных дарований. Проявляя искреннюю заботу о своих многочисленных чадах, старец оставил письменные труды, самые лучшие из них и составляют это издание. В книге также приведены воспоминания

духовных чад старца, наиболее полное его жизнеописание и краткие наставления на важные темы христианской жизни.

Книга будет интересна всем желающим укрепиться на духовном пути и больше узнать о старце, который, по свидетельству его духовных чад, «творил любовь».

Содержание

Предисловие	7
Часть I. «Молитвенно с вами...»	10
Жизнеописание схиигумена Саввы	11
Духовные завещания схиигумена Саввы	67
Из воспоминаний о духовном отце	81
Воспоминания духовных чад старца и свидетельства его молитвенной помощи	104
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Молитвенно с вами...
Схиигумен Савва
(Остапенко)

Предисловие

Удивительный старец, известный духовник, за наставлением и утешением к которому стремилось огромное количество людей. Люди стекались к нему со всех уголков нашей страны. Сначала в Троице-Сергиеву лавру, где будущий подвижник начинал иноческий путь, затем в Псково-Печерскую обитель, – место более чем 25-летнего подвига старца. Верные чада сопровождали своего духовника и в периоды, когда схиигумен Савва покидал обитель, восстанавливая храмы и возрождая духовную жизнь на приходах Псковской земли. Именно духовные чада поддерживали его в минуты скорби и испытаний. Необычайно дружная духовная семья, где старец воспитывал прежде всего любовь друг к другу, смирение, послушание, уделяя особое внимание молитве – вот один из дивных плодов, которые принес старец.

Непростой была жизнь этого подвижника, впрочем, как и многих духовников XX столетия. Сохранил веру в тяжелые 20-е и 30-е, пережил Великую Отечественную войну, а затем, начав вести другую, духовную войну, сражался уже не только за себя, но и за каждого приходившего к нему чело-

века. Много скорбей пришлось претерпеть ему и в миру, но более после принятия пострига и начала духовнического подвига. Поразительна и связь жизни старца с жизнью обоих его небесных покровителей: преподобных Саввы Сторожевского и Саввы Освященного: притеснение от монастырского начальства и братии, попечение о строительстве храмов и благоустройстве обителей, непрестанная молитва и любовь к Псалтири, а более всего – забота о спасении вверенных ему людей. Но все побеждал он истинной любовью и смиренным принятием всего, посланного Небесным Отцом.

Отец Савва имел более семи тысяч духовных чад, искренне любил каждого из них, получая взамен такую же искреннюю любовь. И тогда, и теперь, когда он молитвенно пребывает со всеми нами.

Часть I. «Молитвенно с вами...»

Жизнеописание схиигумена Саввы

Будущий схиигумен Савва родился 11 ноября 1898 года (ст. ст.) в христианской семье в станице Новоминской, на Кубани. Во Святом Крещении мальчик был наречен Николаем, в честь святителя и чудотворца Николая. Родители его, Михаил и Екатерина Остапенко, люди простые и благочестивые, стараясь жить, исполняя заповеди Божии, оказывали тем самым доброе влияние на своих детей – более примером, чем словом показывая им суть христианской жизни. Дети, а их было восемь (три сына и пять дочерей), росли в атмосфере христианской любви: родители их не баловали, не оказывали чрезмерной ласки, но и не наказывали их за проступки слишком строго. Детям никогда не приходилось быть свидетелями криков, ругани. Родители не разрешали детям долгих уличных гуляний, особенно вечерних, оберегали от вредного общения; а более заботились воспитать в них любовь к труду, честности и правде, любовь ко всем людям и прежде всего к Богу, приучали к молитве. Особое влияние на будущего старца оказала мама – глубоко верующая женщина, разумная, сиявшая глубоким истинным благочестием и доброделанием. Отец Савва, вспоминая впоследствии о своей родительнице, выражал ей глубокую признательность за внимательное воспитание, принесшее свои добрые плоды.

Большая и дружная их семья жила в мире, спокойствии и

радости. Все были трудолюбивы и благочестивы.

Из всех детей в семье выделялся именно Николай, он рос чрезвычайно живым, подвижным и понятливым, обладал чуткостью и внимательностью ко всем окружающим. Сердце его с малых лет было устремлено к Богу. Коля, по примеру своих благочестивых родителей, любил ходить в храм Божий. Родители поощряли в детях любовь к храму, особенно тех, кто во время службы внимательно слушал Апостол и Евангелие и безошибочно потом всё пересказывал.

Бывало, отец или мать скажут:

– А ну-ка, кто лучше расскажет сегодняшнее Евангелие?..

Наперебой дети старались рассказывать, но лучше всех и правильное всех передавал чтение в храме Коля.

Семья Остапенко. В центре сидит Николай – будущий схиигумен Савва

С шести лет мальчика отдали в церковно-приходскую школу, учился Николай хорошо. В восемь лет уже читал и пел на клиросе.

Однажды зимой старшая сестра Иулиания пошла на речку, взяв с собой и Николая. Играя на льду, мальчик внезапно провалился в прорубь. Едва не утонув, он тяжело заболел. Будущего старца посетило видение, о котором сам батюшка поведал так: «Ночью я долго не мог уснуть, лежал и смотрел в потолок. Вдруг вижу на потолке себя уже взрослым в сане священноинока, и сердце мое как-то неизреченно возрадовалось. После этого быстро поправился. Размышляя об этом видении, я решил, что мне надо уйти в монастырь. Как-то хотел даже бежать с одним монахом-паломником, но тот уговорил меня обождать еще год-два и тогда обещал придти за мной. Монах, видимо, жалел моих родных и потому уклонился».

Был и еще знаменательный случай. Однажды зимой отец взял Колю в город. И когда они возвращались домой, стая голодных волков напала на них. Лошадь вся дрожит, а отец Николая от испуга только и повторяет: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Коля, молись! Молись, сынок! Читай Богородицу». Маленький Коля начинает громко молиться: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою...» Молится, а сам смотрит на «собак» (он принял волков за собак) и думает: почему они щелкают зубами, поднимают голову кверху и воют?.. Волки гнались за ними почти до селения, но не напали.

Население кубанских станиц в то время отличалось большим благочестием. Крестьяне часто совершали паломниче-

ства к святым местам и в монастыри. Родители Николая тоже уезжали на большие праздники в монастыри помолиться вместе с детьми. Отрок Николай не пропускал ни одного такого случая и вместе с родителями усердно совершал богомолье. В монастырях всё ему нравилось: продолжительные службы, смиренное одеяние иноков, внешний и внутренний вид храмов, звон, благоговейное стояние молящихся и более всего – стремление к вечной жизни. По возвращении домой, делясь впечатлениями, он говорил родным: «Вырасту, буду монахом!» Но сестры сказали ему: «Найдется хорошая девушка, и мы тебя женим!» Мать же, мудрая и чуткая женщина, запрещала так «немилостиво» шутить над благодатным отроком, ибо слова сына она воспринимала как пророчество о его будущей жизни. Николай просил со слезами Матерь Божию, чтобы ему сподобиться стать достойным монахом. Благочестивые родители поддерживали его стремление.

Во дворе, где жили Остапенко, стояли два странноприимных дома, в которых останавливались паломники. Среди странников было много монахов и благочестивых христиан. Добрая мать любила принимать богомольцев и щедро раздавала им милостыню. Угощая голодных, она иногда делилась с ними последним.

«Катя, да ты опять детям-то ничего не оставила!» – скажет, бывало, отец.

«Бог пошлет!» – с твердой надеждой отвечала она.

Для наблюдательного чуткого мальчика не могла пройти

бесследно господствующая черта в духовном облике матери – милосердие.

Временами мальчик не прочь был поиграть, порезвиться, пошалить и своими шалостями иногда огорчал родителей. Батюшка впоследствии об этом рассказывал так: «Бывало, смотришь – у мамы обиженное, печальное лицо. Подойдешь к ней, бросишься в ноги, попросишь прощения за свои шалости, и мама совсем другой станет. А то она, обычно после наших шалостей, накажет нас, поставит в угол, а сама уйдет в другую комнату, встанет на колени перед иконами и молится со слезами. Мы подсмотрим, что мама делает, и нам сделается жалко ее, тогда просим у нее прощения, станем тоже на коленочки и начнем с ней молиться, чтобы Господь простил нас. И всё менялось».

От внимания наблюдательного, живого мальчика ничто не ускользало, не осталась сокрытой и сила молитвы матери. Он стал подражать ей и долго, горячо молился. Вот почему до конца своей жизни старец ничего так не ценил, как молитву. «Главное – молитва. Молитва – это всё! Молитва всё победит и на все вопросы молитва ответит», – часто говорил он, наученный практическим опытом.

О доброй родительнице батюшки нам известно и то, что жила она до пятидесяти трех лет. После мучительной малярии, длившейся всего неделю, она тихо скончалась с молитвой на устах. Перед смертью, благословив детей, родительница подозвала Николая, благословила его иконой Казанской

Божией Матери и, наставив, как надо жить, сказала: «Коля, ты сестренку младшую, Веру, не оставляй!» Затем, обращаясь ко всем, добавила: «А теперь не мешайте мне...» И с молитвой тихо отошла ко Господу.

Его отец, Михаил, умер от голода на 78-м году жизни.

Юный Николай очень хорошо знал Святое Евангелие, но особенно любил читать писания евангелиста Иоанна Богослова. «Помню, когда я был мальчиком, – рассказывал о себе отец Савва, – я больше всего любил читать Святое Евангелие от Иоанна и его послания. Во время такого чтения мне делалось так сладко и хорошо на душе, что я забывал о земле и о земном».

Еще в детские годы для Николая лучшим утешением, самой большой радостью стала молитва.

В 1911 году Николай окончил двухклассное училище. С началом Мировой войны, в 1914 году, он был досрочно мобилизован в армию и направлен на Турецкий фронт.

С 1916 года проходил действительную службу в технических войсках. Затем, в 1923 году окончил свое обучение в военно-инженерном училище. До 1931 года служил инженером-прорабом в Горпромстрое. В 1932 году, окончив Московский строительный институт и получив специальность инженера-строителя, работал по специальности до самого 1945 года.

Николай Остапенко, инженер

Можно только догадываться, что стоит за всеми этими датами. Почти половина жизни прожита в миру. Но шумный водоворот мирской жизни не поглотил святые чувства и желания будущего старца. Где бы он ни был, всюду не переста-

вал пламенно любить Бога, исполнять заповеди Христа, не оставлял чтения Евангелия. По-прежнему он находил наслаждение в молитве и чтении духовно-нравственных книг, ходил в храм Божий.

Любил Николай Михайлович посещать кладбища, особенно Ваганьковское. Здесь, в тиши, молился он и беседовал с верующими, жаждущими внимать слову Божию, послушать душеполезных назиданий.

Желание быть монахом никогда не покидало его, несмотря на то что монастыри в то время были для верующих закрыты. Еще больше утвердилось в нем это стремление после бывшего ему в 35-летнем возрасте дивного видения, о котором он рассказывал так: «Ночью молился я перед чудотворной иконой Казанской Божией Матери (материнское благословение). В забытии или в тонком сне, – Бог весть! – явилась святая дева необыкновенной чистоты и красоты. Кто она, я не знал. Святая дева раскрыла передо мной всю красоту монашества, пояснила разницу между монашеской и семейной жизнью: она сказала, что можно спастись и в семейной жизни, но монашество выше».

Позднее он увидел в Покровском храме икону с изображением святых великомучениц Варвары, Екатерины и Параскевы. Екатерину и Варвару он знал раньше, а в лике святой Параскевы он узнал ту чудесную небесную деву, которая явилась ему в видении. Тогда же решил особенно чтить святую великомученицу Параскеву, указавшую ему на мона-

шество и утвердившую его на спасительном пути. Оказывается, видение такой небесной девы означает чистую и целомудренную жизнь.

С самого детства батюшка имел особую любовь и усердие к своему покровителю, молитвеннику и скорому помощнику – святителю Николаю Чудотворцу. С детства он хорошо знал его житие. Но вот однажды ему попалась книга с подробным описанием чудес святителя, и у него появилось непреодолимое желание побывать в тех местах, где протекала земная жизнь его небесного покровителя. И вдруг происходит неожиданное, необычайное событие.

«Однажды, – рассказывал позднее отец Савва, – иду в храм к Божественной литургии. На пути встречается незнакомая блаженная и спрашивает: “Что ты такой печальный?” – “Да нет! Никакой печали у меня нет”, – говорю ей. – “Не скрывай! Знаю! У тебя скорбь, потому что никак не можешь удовлетворить свое желание. Пойдем! Скажу, что делать”. – Тут я вспомнил о своем заветном желании и покорно пошел за ней. Она повела меня в свой дом и там рассказала, как надо молиться и горячо просить самого святителя, чтобы осуществилось благое намерение.

– Надо с чувством, с несомненной верой, надеждой и любовью прочитать ему канон с акафистом... И тогда увидишь, что будет! – так закончила она свои наставления и отпустила меня.

Я еще успел сходить в храм к литургии. С работы при-

шел поздно вечером, сильно утомленный. Упорно клонило ко сну, но, преодолевая себя, стал усиленно молиться, как велела старица. И что же! В сонном видении я побывал во всех местах земной жизни святителя Христова и прикладывался к его мощам, видел и даже осязал чудотворный мраморный столб, который чудесным образом был принесен для постройки. Всё было так близко и ощутимо! Словами этого не выразить. Неизреченная радость наполнила всё мое существо. В восторге духа я поспешил к своей благодетельнице, но она не открыла мне дверь. Я понял, что это для моего смирения. Спустя некоторое время я пытался таким же образом побывать в других святых местах, но мне этого не было дано. Очевидно, видение тогда явилось по святым молитвам блаженной».

Вскоре блаженная старица, схимонахиня Мария, стала близким духовным другом, помощницей и благотворной участницей в молитвенной жизни отца Саввы. И так во всю последующую его жизнь, даже до кончины.

До поступления в монастырь Николай Михайлович и монахиня Мария жили в Москве недалеко друг от друга: она – в Грохольском переулке у старицы Февронии, будучи ее келейницей, а Николай Михайлович – на Сретенке. Она же привела его и к афонскому старцу схиархимандриту Илариону, служившему в то время в Лианозове.

Однажды Николай Михайлович говорит духовнику: «Отче, благословите принять тайный постриг. Ведь монастыри

закрыты!» – «Не спеши! Откроются монастыри и тогда не тайный, а явный постриг примешь. Будешь жить в лавре». Пришлось терпеливо ждать.

В свободное от работы время Николай часто посещал богослужения. Много времени посвящал молитве, чтению Священного Писания и святых отцов, особо же любил читать Псалтирь по усопшим. Всё его время проходило в деятельном труде, аскетических подвигах и благотворительности.

Так будущий старец, живя в миру, подготавливал себя к монашеской жизни.

Случился однажды в его жизни кратковременный период, когда было особенно трудно: нападала лень, часто не выполнял правило, чувствовал немощ, перестал читать Псалтирь. И вот ночью, в тонком сне ему явилась Пресвятая Богородица, нежно сказала ему:

– Чадо! А Псалтирь-то читать надо! Это жизнь твоя!

Таким было первое явление Божией Матери будущему старцу.

После этого сразу появилась бодрость, и с тех пор старец уже не переставал читать Псалтирь. А впоследствии, уже будучи насельником Псково-Печерского монастыря, отец Савва возглавлял чтение Неусыпаемой Псалтири.

В те времена ни о каком открытии монастырей речи не шло, но война изменила всё. Принесла великие скорби и испытания, приблизила ужасный лик смерти. Через горе, потерю близких люди обращались к Богу.

В 1941 году, в Пасхальную ночь в храме на Филях во время крестного хода Николай Михайлович оступился и сломал ногу. Утром, в больнице, наложив гипс, ему выдали бюллетень с диагнозом «перелом ноги» и привезли домой. В июне началась война. Николай Михайлович работал в отделе строительства, имел временную бронь и потому на фронт не попал.

По окончании войны открылась Троице-Сергиева лавра и некоторые духовные учебные заведения.

На экзаменах в семинарию нужно было прочесть отрывок из Апостола, наизусть прочесть псалмы 50-й и 90-й, и написать сочинение о Спасителе, или раскрыть значение нескольких членов Символа веры. Николай Михайлович успешно сдал экзамен и его зачислили в семинарию.

Духовная семинария в те годы располагалась в Москве, в Новодевичьем монастыре. Зимой Николай Михайлович учился в семинарии, а летом уезжал в Загорск и нес послушания в лавре по восстановительным работам. Учился хорошо, всё было знакомо. В свободное время помогал служить панихиды. По окончании 1-го курса его сразу перевели на 3-й. Таким образом, семинарский курс он окончил в три года, вместо положенных четырех.

Духовник, схиархимандрит Иларион строго предупредил: «В Духовную академию поступать не стремись. Жить будешь в монастыре – это и будет “академия смирения”, которую ты должен пройти».

Настоятель Богоявленского собора, протопресвитер Николай Колчицкий предлагал выпускнику идти к нему священником в собор: «Будешь иеромонахом у мощей святителя Алексия».

Но Николай Михайлович попросил отпустить его в обитель. И вот он оставляет шумную столицу и уезжает в Троице-Сергиеву лавру. Исполнились горячее желание и заветная мечта – его принимают в обитель, и он становится послушником. Вскоре наместник лавры архимандрит Иоанн ходатайствует перед Святейшим патриархом о пострижении Николая в монашеский чин. Благословение на постриг совпало с днем памяти великого угодника Божия преподобного Серафима Саровского. Отец Савва очень любил его и втайне мечтал носить его имя. Но Господь судил иначе.

7 ноября 1948 года, в канун праздника великомученика Димитрия, Солунского чудотворца, бывший в то время наместником лавры архимандрит Иоанн (впоследствии митрополит Псковский и Порховский) постригает послушника Николая в монашество с наречением имени Савва, в память преподобного Саввы Сторожевского (Звенигородского) – верного ученика преподобного Сергия. Так из «победителя народов» (греч. перевод имени Николай) батюшка становится «невольником» (араб. перевод имени Савва). Встав на путь совершенного служения Богу, монах становится добровольным невольником, принимая скорби и поношения, претерпевая испытания и искушения.

Архимандрит Вениамин, инспектор Духовной академии, ставший восприемником при постриге, дал своему духовному сыну послушание – не иметь переписки с житейским миром, которое отец Савва строго выполнял. Позднее старцу было дано благословение писать полезные духовные ответы для общего назидания. И отец Савва стал усердно трудиться на книжном поприще.

В праздник Благовещения 1949 года в Богоявленском соборе Святейший патриарх Алексей (Симанский) рукоположил его в сан иеродиакона, а в июле того же года – в сан иеромонаха.

Отец Савва искренно желал оставаться незамеченным, нести любое простое послушание, лишь бы быть ниже всех в обители.

Но вскоре ему дали послушание эконома. В тяжелые послевоенные годы надо было вести строительно-восстановительные работы в обители, при этом и самому приходилось нести самые тяжелые работы. Временами он буквально изнемогал физически. Спать приходилось по четыре часа в сутки и это при большой физической нагрузке. Однажды у него промелькнула мысль: «Хотя бы заболеть, чтоб выспаться и отдохнуть». И вдруг действительно появились нестерпимые головные боли. Иеромонах Савва понял ошибку и стал искренно сокрушаться и каяться в своих грехах ропота и малодушия, дал обещание трудиться не покладая рук и не требовать отдыха. И Господь даровал ему силу и крепость без

устали днем трудиться, а ночью воссылать молитвы. Этот дар Божий сохранился у него на всю жизнь.

За самоотверженный труд и любовь к обители Бог наградил молитвенника здоровьем: он себя стал чувствовать лучше прежнего. И всегда для подкрепления сил он обращался с молитвой к преподобному Сергию и святителю Иоасафу, Белгородскому чудотворцу, который когда-то был наместником Сергиевой Лавры. Восстановительные работы были успешно выполнены, за что в 1951 году отец Савва был награжден Святейшим патриархом наперсным крестом.

Недолго пришлось ему жить под наставничеством архимандрита Вениамина, который ценил в своем духовном сыне простоту, отзывчивость и смирение. Архимандрит Вениамин, по своем удалении из лавры, передает батюшку на попечение мудрому старцу, схиигумену Алексию, который также полюбил отца Савву и с отеческой любовью заботился о нем.

И вот Господь призывает отца Савву к еще более трудному подвигу – быть духовником богомольцев. Он видел, что люди не знают простых истин православной веры, не знают, для чего они живут на земле, не замечают своих грехов и пороков. Народ жаждал духовного окормления, вразумления, наставления, утешения... и нужно было быть искусным пастырем, чтобы духовно напитать эти изголодавшиеся души. И отец Савва, получив от Бога благодать священства, вложил в это послушание всё свое сердце, все свои способности и дары. Его воодушевляло и радовало то, что первым из ду-

ховников обители был преподобный Савва, имя которого он теперь носил, и он рад был идти по его стопам, накапливая смиренномудрие, кротость и духовный опыт.

Когда перед отцом Саввой раскрылись те язвы и струпья душевные, которыми оскверняются сердца человеческие, он пришел в ужас и сильно скорбел за людей. «Какое беззаконие творят они, как оскорбляют своими грехами величие Божие, какая строгая кара ждет их в загробной жизни!» – так размышлял батюшка. Он с отеческой любовью спешил к падшему человеку, стараясь в долгой беседе наставить его на истинный путь. В беседе на общей исповеди он кратко, без резкого обличения раскрывал греховные язвы пришедших. Люди всей душой полюбили нового духовника, почувствовали в отце Савве благодатную силу, укрепляющую и вдохновляющую каждого на несение своего жизненного креста..

Сколько искренних слез и стенаний было на исповеди, которую проводил отец Савва! «Встанем на коленочки, – бывало скажет он, – и со слезами помолимся, попросим Господа простить нам наши грехи, наши жизненные ошибки». И море слез льется из очей исповедовавшихся. Он соболезнавал скорбящим, окрылял надеждой бывших в отчаянии, для каждого находил слова утешения. Во время чтения Евангелия отец Савва приостанавливал исповедь и всех просил внимательно слушать слово Божие: «Сам Господь через Евангелие говорит с нами, а когда мы молимся, то беседуем с Господом», – пояснял он.

С лаврского периода и начало собираться его духовное стадо. Как от духовно зрелых, умеющих работать над собой самостоятельно под надзором духовника, так и от новона- чальных отец Савва требовал, чтобы они не строили своего благополучия на слезах ближних, а работали бы над очи- щением своего сердца от грехов и пороков: приучали бы се- бя прощать все обиды и оскорбления, научались благодушно переносить скорби, клевету, напраслины и болезни. Он учил, чтобы чада жили для других, забыв себя, и за подвиг бы всё это не считали.

Отец Савва неутомимо трудился, духовно окормляя сло- весное стадо. Его не удовлетворяла пастырская деятельность только во время исповеди. Он старался улучшить минуты, что- бы утешить людей в любое время: в храме, на улице, на мо- лебне и панихиде, – всюду слышалось батюшкино наставле- ние, слово участия и сострадания. Когда подходила его оче- редь служить молебен у мощей преподобного Сергия, храм бывал переполнен богомольцами. Всем хотелось вместе с ба- тюшкой помолиться, затем послушать его слово утешения и наставления. Для всех он был любящим отцом, мудрым на- ставником, добрым и верным другом.

Лаврский старец, схиигумен Алексей, радовался, когда видел отца Савву, окруженного толпой богомольцев. А под- ходившим к нему за благословением не раз говорил: «Вот наш голубок! К нему идите, он вас не бросит и всех благо- словит и утешит!»

Схиигумен Алексей впоследствии передал ему практический опыт своего старческого подвига: «А то я уже стар стал, после меня ты будешь старцем».

Неумолимая смерть отняла у отца Саввы его старца-наставника. Остался батюшка одинок при своем трудном деле. В памятные дни, особенно на Пасху, он спешил к могилке схиигумена Алексея, чтобы отслужить там панихиду об упокоении его души. Своих духовных чад просил поминать усопшего старца и по возможности навещать его последнее пристанище.

Вскоре последовала кончина и его восприемника при постриге, епископа Саратовского Вениамина. Незадолго до своей смерти, посещая лавру, Преосвященный вызвал к себе отца Савву. Долгой и трогательной была их беседа. Владыка, прощаясь со своим духовным сыном, оставил ему четыре основных завета:

1. Чтобы руководить людьми и быть мудрым наставником, надо постоянно читать святоотеческие книги.
2. Никому, даже родственникам на житейские темы писем не писать
3. Быть среди священнослужителей последним, то есть презреть честолюбие, не стремиться к наградам, почестям и повышению сана
4. Нести крест свой благодушно.

Так было восстановлено старчество в Сергиевой обители. Отец Савва не щадил себя, лишь бы уловить погибающих.

Когда в круг его зрения попадала больная душа, он не оставлял ее, пока этот болящий не раскается, не оплатит свою греховность и не сменит греховного образа жизни на добродетельный. Особая забота молитвенника – открывать молодежи пути христианской жизни. Много юношей и девушек было направлено им на путь спасения, и старец до конца своих дней следил за духовным ростом каждого из них.

Но не обходилось и без искушений. Враг рода человеческого ополчился на него со всех сторон. Некоторые монахи восстали на собрата. Какие только оскорбительные сравнения не сыпались на него. Называли его и святошей, и ханжой, и даже еретиком. Однажды устами душевнобольной девицы сам демон открыл отцу Савве, за что ненавидит его. Когда старец молился за эту девицу, одержимую злым духом, этот дух закричал утробным голосом: «Как я тебя ненавижу!» Старец спросил его: «За что же ты меня ненавидишь?» – «За то, что сам спасаешься и людей спасаешь!» – в неистовстве закричал злой дух.

Впоследствии, отец Савва, уже будучи в Псково-Печерском монастыре, нередко «отчитывал» бесноватых.

Высшие духовные власти хотели защитить старца от его ненавистников, но отец Савва просил не лишать его креста, возложенного на него Самим Господом. Старец не осуждал, а жалел своих обидчиков, и всё больше и больше ненавидел исконное зло. Он верил, что чрез людей на него нападает сам демон. Молясь за ненавидящих, он во всем полагался на во-

лю Божию и за всё благодарил Бога. Не раз еще придется отцу Савве претерпеть притеснения от своих же братьев-монахов. И он, подражая своему небесному покровителю, преподобному Савве Освященному, который тоже не раз претерпевал клевету и восстания братии, побеждал всё смирением, долготерпением и любовью.

Отец Савва благодушествовал в напастях, а его духовные чада скорбели и унывали. Им трудно было понять причину восстания братии на своего духовника, и потому всякая теснота, всякая для него обида болезненно отзывалась в их сердце. Он утешал, как мог: «Как на войне целят в живых солдат, так и мир нападает на живых духом христиан. Мир не нападет на нас так дружно и горячо, если не увидит в нас полную противоположность себе».

Как бы то ни было и какие бы причины ни руководили восстающими на отца Савву, но его строго предупредили, чтобы он не благословлял народ, не откликался на просьбы и ни с кем не беседовал. А он не мог отказаться от общения с народом и с Божией помощью продолжал благословлять и утешать.

И вот приходит приказ священноначалия о переводе отца Саввы в Псково-Печерский монастырь. Безропотно покоряясь воле Божией, подвижник всячески старался утешать всех, разгоняя дух уныния, и просил молиться за него.

Летом 1954 года, на празднование явления иконы Казанской Божией Матери, иеромонах Савва покинул Трои-

це-Сергиеву лавру. Когда старец вышел из святой обители в сопровождении плачущей толпы, то к этому трогательному шествию дополнилась еще не менее трогательная картина: огромная стая голубей сдвинулась с места и полетела провожать старца.

Тихая Псково-Печерская обитель с ее древними уставами и великими святынями приняла старца на новые подвиги. Живописный уютный городок Печоры и его окрестности, чудная обитель Царицы Небесной, сокрытая от людских взоров в обширном овраге, словно в глубокой чаше, обрадовали и утешили старца.

Здесь его взору представилась трогательная картина: огромная стая голубей встречала своего будущего кормильца. Некоторые из них сели к нему на голову и плечи, остальные, выстроившись рядами, чинно шли навстречу ему и потом сопровождали подвижника до самых врат монастырских. Старцу заметили: «Батюшка! Видите, как радостно вас встречают голуби? Наверное, вы любите их?» – «Да как же их не любить? Они мои друзья!»

При входе в обитель отец Савва с умилением помолился пред надвратной иконой Успения Божией Матери, прося Пречистую принять под Свой Покров «путника странного». Над внутренними Святыми вратами, как страж, возвышался храм святителя Николая Чудотворца, а вдали виднелся величественный Михайловский собор. Щебетание птиц в деревьях разносилось по всей обители.

Храм святителя Николая Чудотворца в Псково-Печерском монастыре

Старец прошел под арку Никольского собора, и его взору открылась еще более живописная картина: вся обитель утопала в зелени и благоухающих цветах. Слева, за каменной стеной монастырского хозяйственного двора, на крутой горе виднелся монастырский сад, справа раскинулись прекрасные каштановые деревья, впереди красовался пятиглавый Успенский собор. Спускаясь по дорожке, называемой «Кровавый путь», он увидел множество чудных цветов, умело размещенных в клумбах, словно в великолепных вазах.

Двухэтажные корпуса братских келий гармонично сочетались с окружающим миром живой природы.

Старец полюбил этот рай земной. Из окон его кельи открывался великолепный вид на Святую горку с древним пещерным храмом в честь Успения Пресвятой Богородицы и на Покровскую церковь. В Успенском храме находятся: древняя чудотворная икона Успения Божией Матери и мощи преподобномученика Корнилия. А еще левее храм с престолом Сретения Господня и храм Благовещения Пресвятой Богородицы. Всё это умиляло сердце отца Саввы и воодушевляло его на благодарственную хвалебную молитву. Он чувствовал, что Сама Царица Небесная, утешая «изгнанника», взяла его под Свой Державный Покров.

Небесный его покровитель, преподобный Савва Сторожевский, когда-то также удалившись из Сергиевой обители, выбрал самое живописное место для своих дальнейших подвигов. Рядом с обителью скоро вырос дивный Звенигород. Преподобный Савва был ловцом человеческих душ и никогда не стремился к повышению духовного звания.

Красота природы значительно облегчала скорбь старца. Явилось бывшее дерзновение в молитве, уверенность в близости Бога и Пресвятой Богородицы.

С первых же дней пребывания в Псково-Печерской обители старец приступил к труду спасения ближних. В это время на него было возложено послушание благочинного. С горячим сердцем приступил он к этой обязанности. По его пред-

ложению был утвержден ежедневный братский молебен перед ракой с мощами преподобномученика Корнилия, и было установлено ежедневное чтение акафистов после вечернего Богослужения особо чтимым иконам храмовым и местным святым.

Нельзя не упомянуть о крайней бедности и скудости, какую испытывала в то время святая обитель. Ведь в те годы монастырь имел совсем небольшой доход, а пожертвования от немногочисленных богомольцев были незначительны. Для вновь прибывшего неустоимого труженика открылось обширное поле деятельности в приумножении необходимых средств. Паломники, знавшие его по Троице-Сергиевой лавре, и духовные чада со всех городов и селений устремились в Печоры к батюшке. Старец не таил дарований, которыми щедро наградил его Господь. Он всегда искал случая, кому бы только можно было помочь и благотворить. Жаждающие исцеления чувствовали это и тянулись к нему.

С появлением отца Саввы в Псково-Печерском монастыре значительно умножилось число богомольцев, а благосостояние обители за короткое время улучшилось. Многочисленные духовные чада старца, с его благословения, старались помочь монастырю в материальных нуждах, в благоукрашении храмов обители. Отец Савва сам был неустоимым тружеником в деле восстановления хозяйства монастыря, везде чувствовалась его забота о святыне.

Монастырь владел полями вокруг обители, но работать

там было некому – не хватало рабочих рук. И вот, бывало, батюшка просит богомольцев: «Кто может и кто хочет помочь обители, поработайте на поле. А я за вас помолюсь!» И всем радостно станет от такого благословения.

Таким образом, за сравнительно короткое время хозяйство монастыря укрепилось, благоукрашались храмы, шились новые облачения. Московские духовные чада отца Саввы пожертвовали дорогую лампаду, которую он благословил повесить к мощам преподобномученика Корнилия.

В такой заботе тоже очень заметна связь батюшки с преподобными отцами, чье имя он носил при постриге и по принятии схимы. Преподобный Савва Освященный, неутомимый строитель келий для постоянно возрастающего количества братии, храмов, странноприимных домов и больниц для пользы отцов, все материальные блага, которые попадали к нему, от родителей ли или других людей, желавших отблагодарить святого, всё до последнего отдавал на дело Божие. Так и отец Савва, заботясь о благоустроении обители, проявил себя как истинный бессребреник. Он никогда не копил денег, всю надежду возлагая на Бога и Пресвятую Владычицу. Все пожертвования тут же отдавал на нужды обители или на вспоможение нуждающимся. И всё же основной его заботой было нравственное воспитание людей.

Любил старец читать акафисты, часто служил заказные молебны с акафистом. «Акафист, – говорил он, – это наш восторг перед величием Божиим, Его Пречистой Матери и

всех святых». За продолжительные службы отцу Савве приходилось выслушивать замечания от монастырского начальства.

В Псково-Печерской обители так же, как некогда в лавре преподобного Сергия, старец истово исповедовал паломников, призывая их к искреннему покаянию. Он поучал, наставлял, предостерегал от ошибок и всё это подкреплял примерами из жизни святых отцов и окружающей обстановки: «У всех у нас, христиан, единственная цель жизни – принести покаяние и научиться добру, чтобы очищенными войти в Царствие Небесное. Иной цели нет в жизни нашей! А мы часто не заботимся об этом и забываем свою главную цель. Следим больше за наружностью, за внешностью, и не видим, что душа наша обнищала, обнажилась от добродетелей, и состояние ее поистине ужасно...»

Старец любил ревностных к делу спасения, тех, кто ничего не скрывал от духовного отца. Он со скорбью смотрел на лицемеров, скрывающих греховные помыслы и темные дела. Не любил он беспечности и лукавства.

Поучая о величайшем деле любви к Богу и ближним, отец Савва и сам весь светился любовью. Достаточно было подойти к нему, чтобы понять, как велика была сила его любви. Чудесным образом отец Савва вразумлял своих духовных детей и всех присутствующих на общей исповеди. В его словах раскрывалась вся их жизнь. Со всяким человеком он говорил просто, как с равным себе, поэтому все чувствовали

себя около него свободно. Отчаявшийся человек чувствовал любовь к себе старца, верил, что если этот прозорливый слушатель Божий так доверительно беседует с ним, то и Божия благодать человека не покинет.

Отец Савва во время исповеди следил за каждым, особенно за своими чадами, читая на их лицах душевное состояние. Если кто попытается спрятаться за спины других от пытливого и неусыпного взора старца, он тогда сам передвинется, чтобы виднее ему было. Вразумительные беседы проводил на общей исповеди. При этом замечал, что не надо обижаться, если духовный отец скажет прямо и обличит кого, потому что духовный отец не должен молчать, иначе он будет отвечать перед Правосудием Божиим. Иногда возьмет да и скажет батюшка вроде бы обидное слово: «Ну, что ты такая бестолковая». А она и вправду губки надула, вроде капризного ребенка. А сатана хохочет, пляшет... Оказывается, все обиды надо переносить благодушно. Если нет такого благодушия, просите у Господа: «Господи, пошли мне благодушие!»

Однажды старец обличил одну из приезжих, вызывая ее на покаяние, а та обиделась... И опять он на исповеди, обращаясь ко всем, говорит: «Простите меня ради Христа! Я иногда строг бываю, и некоторые огорчаются на меня, думают: “Что батюшка указывает? Мы сами знаем, как спастись”». А своей страсти-то они и не замечают. Бывают такие непослушные больные: не слушают врача и не признают его рецептов. Батюшка обличает с той целью, чтобы душа не по-

гибла, чтобы человек опомнился. А если батюшка умолчит, то Господь взыщет с него за упущенный момент, в который он должен был вразумить человека». В последние годы своей жизни отец Савва стал еще более строгим и требовательным, особенно к своим чадам, и некоторых даже стал отлучать от своего руководства.

Старец пользовался большим доверием своих духовных чад. Они, не стесняясь, приносили ему искреннее покаяние, причем больше в письменной форме, так как чад было много, и у него не было времени выслушивать устные исповеди. Прочитав их заранее (ночью), он потом каждому говорил свои замечания, наставления. С каким истинно отеческим вниманием и добротой относился он к тем чадам, которые с детской доверчивостью открывали перед ним все тайники своей души и жаждали от него спасительного наставления! Он обращался с ними, как с больными детьми – осторожно и снисходительно, когда видел кого-либо малодушным, нравственно слабым; и серьезнее, строже – когда кто-либо уже духовно погруз и окреп.

А как духовные чада любили своего старца и были благодарны ему за его отеческое внимание и снисходительную ласку! Все старались сделать дорогому батюшке приятное, заботясь и о всей его духовной семье: кто переписывает молитвы и акафисты, кто пояски готовит, кто четки вяжет, кто подсвечники мастерит – все по своим способностям хотят помочь обители. А отец Савва радуется и, благослов-

для их труд, радует народ, раздавая эти монастырские подарки. Чувствовалась дружная духовная семья, скрепленная его любовью. Для него не существовало возраста, звания и состояния богомольцев. Он со всеми обращался одинаково: отечески заботливо, приветливо. Лицо его всегда сияло светлой радостью. Кому нужна поддержка и помощь – он тут как тут, доставляя скорбящим утешение, болящим исцеление, унывающим и отчаявшимся надежду на спасение.

Так, однажды приехала в Псково-Печерскую обитель скорбящая девушка. После солнечного удара она лишилась речи. В невыразимом смятении она не знала, как и кому объяснить свое горе. Вдруг идет отец Савва и быстро направляется к ней со словами: «Мария! О чем ты так скорбишь?» Утешил и поручил своим духовным чадам взять ее к себе на квартиру. В церкви она старалась встать ближе к старцу и сердечно просила его святых молитв. Батюшка посоветовал ей понуждать себя к пению, когда читают акафист. И что же? По его святым молитвам речь девушки открылась!

Был и такой случай. Одна учительница разочаровалась в жизни и хотела покончить жизнь самоубийством. Проездом она зашла в Псково-Печерский монастырь. Поговорив с отцом Саввой, она преобразилась духом и радостная поехала домой. Подобных примеров в пастырском служении отца Саввы было множество.

Когда отец Савва на время выезжал из обители, многие из приезжих богомольцев оставались ждать его возвращения.

Томительным и долгим казалось им это время. Зато по возвращении старца в обитель, они были с избытком вознаграждены его теплым словом отеческого назидания и духовного ободрения.

Его часто брал с собой Преосвященный Иоанн, митрополит Псковский и Порховский, в сослужение в храмах, когда ездил на престольные праздники по епархии. Владыка любил, когда на архиерейском богослужении рядом стоял старец-молитвенник.

Со временем у отца Саввы становилось всё больше духовных чад и все они старались почаще приехать в обитель за духовным советом и утешением. Но такая деятельность старца не нравилась монастырскому начальству и некоторым из братии. Они не признавали батюшку за подвижника, им казалось, что из-за старца нарушается весь строй монастырской жизни, что строгость монашеской жизни падает из-за многочисленных богомольцев, а постоянные посетители отвлекают монахов от созерцательной жизни. Писались жалобы местному владыке, на которые он в большинстве случаев отвечал молчанием. Преосвященный жалел старца, ибо давно знал о его подвижнической жизни, о добровольном несении им креста, и знал, за что враг на него мечет свои стрелы. Владыка не раз пытался умиротворить и умилосердить братию и дать им понять, что они не правы в своих суждениях. Но всё было напрасно. К тому же и гражданские безбожные власти грозили ему изгнанием, «чтоб не собирал народ». На

это старец отвечал: «Если я не буду утешать скорбящий народ, то буду изменником Богу!»

После только что обрушившейся бури скорбей Господь посылает старцу утешение. По благословению Святейшего патриарха в день ангела отца Саввы – 16 декабря 1957 года – его посвящают в сан игумена. Святейший Патриарх Алексий (Симанский) высоко ценил смиренного подвижника и неоднократно представлял его к наградам.

Но вскоре отцу Савве предстоял отъезд из обители. Великим постом 1958 года владыка Иоанн назначает батюшку настоятелем храма Казанской Божией Матери в городе Великие Луки. Спокойно, без ропота, с покорностью воле Божией принял старец и это испытание. Он словно не скорбел, а радовался душой.

Покорно удалился старец из Псково-Печерской обители в Великие Луки. Он видел, что Господь с ним и за него, и с тем большим смирением готов был терпеть всякие напасти. Для него все неожиданности имели особый внутренний смысл. Зато духовные чада пали духом. Когда они в большом числе собрались в монастыре Великим постом поговорить, исповедать свои грехи духовному отцу и получить от него наставление и благословение на дальнейший жизненный путь, старца уже перевели на новое место служения. Ехать к нему в Великие Луки они боялись: не причинить бы батюшке новые неприятности. И всё же некоторые из них, измученные жизнью, не удержались и с риском поехали к отцу Савве за

духовным подкреплением. Ободряя их, он говорил: «Слава Богу за всё! Слава Богу, что вы приехали!»

В Пасхальный четверг Преосвященный архиепископ Иоанн прибыл в Великие Луки в сопровождении наместника Псково-Печерского монастыря игумена Августина. Владыка, подчеркнув основные добрые качества игумена Саввы: смирение, безропотное терпение, отсечение своей воли, полное послушание Божию Промыслу, произнес речь: «Десять лет тому назад в лавре преподобного Сергия ты отсекал власы в знак отсечения своей воли и предался в полное послушание Божию повелению. Ты всегда и всюду с тех пор являл образец смиренного послушания, и сейчас Божий Промысл направил твои стопы в этот обнищавший храм Владычицы, к этому духовно изголодавшемуся народу, чтобы ты окормил эту ниву Христову. Возлюби и возрасти ее!» Заканчивая свою речь, Преосвященный владыка преподнес старцу награждение от Святейшего патриарха Алексия I – палицу. Смиренный старец ничего не сказал в ответ владыке, опустив голову, он мысленно молился, воздавая хвалу Богу, Божией Матери и всем святым. Он молился уже и за свою новую паству, которая действительно была без окормления. Кладбищенский храм во имя Казанской Божией Матери, единственный в городе, был обнищальным и запущенным. И старец со всем усердием приступил к трудам по восстановлению храма.

Духовные чада батюшки узнали дорогу и в Великие Лу-

ки. Они уже во множестве стали съезжаться сюда, участвуя в благотворительных работах. Кто чем мог помогали восстанавливать храм. Но старцу и здесь пришлось понести много скорбей и нападок. Деньги на капитальный ремонт не отпускали, а мастера непрестанно требовали от него завышенную плату. Всё необходимое для ремонта отец Савва доставал чудесным образом, материалы привозили прямо в церковь.

Однажды местные городские власти прислали комиссию для проверки: законно ли достают строительный материал или каким другим путем? Проверили – всё оказалось закуплено законно с оформлением всех нужных документов. Комиссия была сильно удивлена и, конечно, приступила к нему с вопросом: «Как вы достаете строительные материалы?» Отец Савва ответил: «Я молюсь, и Бог мне посылает».

Несмотря на трудности, с помощью Самой Царицы Небесной, в самое короткое время – всего за два месяца – храм был капитально отремонтирован, поновлена живопись. Даже внешние стены и входные кладбищенские ворота были расписаны. Чудотворная икона Казанской Божией Матери преобразилась в новой белой бисерной ризе, и взор Заступницы, приветливо зовущий и ласкающий, умилял сердца молящихся пред Ней. Новая паства увидела в лице настоятеля доброго пастыря, молитвенника и попечителя. С умножением числа прихожан этот небольшой храм Владычицы не вмещал уже всех богомольцев.

Ожила духовная жизнь. Великолучане стали истинными

почитателями старца, влились в его духовную семью и все последующие годы не покидали его.

Отец Савва как настоятель храма установил ежедневные службы, кроме понедельника (уборка храма). Во время вечерних богослужений ежедневно читались акафисты, и служба приходского храма стала походить на монастырскую.

После вечернего богослужения старец подолгу исповедовал богомольцев. Так было изо дня в день. Здесь никто ему не мешал, не ограничивал во времени. Такому случаю послужить ближним он заметно радовался. Его святыми молитвами горожане воспрянули от духовной спячки. Кто состоял в браке без церковного благословения – венчались, некрещеных крестили, давно не причащавшиеся исповедовались и причащались. Его смирением в несении жизненного креста духовные чада укреплялись духом и избавлялись от ропота и малодушия, от многих своих болезней.

Исполнив послушание в Великих Луках, отец Савва возвратился в свою обитель. Но вскоре ему опять пришлось из нее удалиться. Преосвященный переводит его в требовавший восстановления древний Псковский храм с двумя престолами: святителя Николая Чудотворца и преподобного Варлаама Хутынского. И снова с помощью Божией и Царицы Небесной храм был отреставрирован и украшен. Своим ревностным исполнением богослужений и вдохновенным наставлением старец привлек прихожан, и они неленостно стали посещать храм. И даже сомневающиеся, которые вна-

чале причиняли старцу много скорбей, устыдились, осознав свой грех, и просили у него прощения. Терпение давало ощутимые результаты.

Как он молился в этом храме во время литургии! Предстоящие об этом никогда не забудут. А еще старец устроил два клироса и антифонное пение, и по воскресным дням здесь стали выносить на середину храма особо чтимую икону Божией Матери «Всех скорбящих Радость». И во время вечернего богослужения соборно пели перед ней акафист. А затем с торжественным пением икону уносили в киот. Старец благословил всем народом петь хваления и моления Пресвятой Владычице Богородице.

Восстановив храм, батюшка опять возвратился в Псково-Печерскую обитель. Но не больше года пришлось ему быть там. Предстояло понести новое испытание. Настоятель монастыря благословляет отца Савву на новое послушание в село Палицы Псковской епархии, что примерно в ста километрах от Пскова. Сельскому храму великомученика Георгия власти угрожали закрытием. Но и здесь Господь помог старцу сделать всё необходимое, чтобы этого не произошло. С первых же дней он принялся здесь за Божие дело, вопреки плохому самочувствию: «Вот куда меня Господь призвал! На горке, какое красивое место! Под горой источник, воздух свежий, здоровая пища... Только отдыхать и радоваться!» Но старец не искал отдыха. В нем горела та же ревность – послужить Церкви Христовой, людям! Трудно приходилось

ему. Средств не было, и ниоткуда никакой помощи, а сделать ремонт надо. «Помолимся!» – предложил батюшка.

И в тот же день везут машину цемента к храму: стройка отказалась принять – возьмите на благую потребу. Из прихожан нашлись рабочие, и они совместно с духовными чадами закончили ремонт храма в короткое время. Церковная жизнь здесь ожила, однако служить старцу было тяжело. В храме он был один, если не считать старого больного псаломщика. Но место благодатное, намоленное, к тому же старец полюбил свою новую паству и однажды сказал: «Мои прихожане – все подвижники, молятся усердно, со слезами».

Часто бывало: не успеет пообедать, а у дома уже стоит повозка: просят причастить больного. И он тут же, не приронувшись к пище, отправляется на потребу. Как отраднo было смотреть на утружденного старца, который, несмотря на усталость, бодро спешил оказать помощь нуждающемуся! И даже своим врагам он старался делать только добро.

Были и забавные случаи. Однажды прихожане сидели у старца. Он знал, что в это время мимо дома должен пройти человек, который его не только не уважает, но даже враждебен ему. «Сейчас я выйду на крылечко и поприветствую его», – сказал батюшка присутствующим. Возвратившись, рассказал. «Проходит он мимо меня, я поклонился и поприветствовал его, а он отвернулся, но на той стороне храм». Перекрестившись, батюшка весело добавил: «Слава Богу! От меня отвернулся, а к храму повернулся».

Народ, видя усердные труды отца Саввы и чувствуя его пастырскую заботу, потянулся на богослужения. Ожил приход, а этого-то и добивался старец, нисколько не жалея себя. Церковная община окрепла, опасность закрытия храма миновала.

Исполнив и это послушание, окрепший духом, но с подорванным здоровьем, отец Савва возвратился в свой монастырь, где вскоре (1960 г.) он вынужден был лечь в больницу.

Сколько слезных молений было вознесено ко Господу и Матери Божией его чадами! Сколько заказных литургий и молебнов отслужено о его здравии! Все боялись рокового исхода. Но по милости Божией всё обошлось благополучно. Выйдя из больницы, старец сердечно благодарил своих духовных чад за молитвы, за духовную поддержку и некоторым из друзей говорил: «По своим немощам упал бы, но нашлись благочестивые, и вот, по молитвам духовных чад живу». Здоровье мало-помалу восстановилось. Старец и сам радовался, что дал ему Господь возможность еще потрудиться во славу Его имени и Матери Божией для спасения ближних.

Но дух злобы, попущением Божиим, не переставал причинять старцу-игумену различные скорби. За всех, кого он брал на молитву, он нес болезни, притеснения и всевозможные искушения.

Лукавый внушил некоторым из братии, что отец Савва не по уставу совершает богослужение, и наместник монастыря даже отстранил его от совершения треб и богослужений.

На него была наложена епитимья, запрещающая ему беседовать с богомольцами и благословлять их. Его даже перевели в другую келью, угловую, холодную (северная сторона), с окнами, выходящими на хозяйственный двор.

Отец Савва безропотно терпел притеснения, всё переносил благодушно и молился, чтобы Господь послал всем смиренномудрие. На запрещение беседовать с богомольцами, жаждавшими слова утешения, кроткий и незлобивый старец отвечал: «Среди них много больных недугами душевными и телесными, и страдания их – наказание Господне за тяжкие грехи. Господь привел сюда этих людей для раскаяния, чтобы их вразумили и наставили. Так как же можно болящих оттолкнуть и не утешить? Христос заповедал нам скорбеть о грешнике и спасать его, а не губить!»

Старец тверд был в своих действиях. Его не пугали угрозы, он не мог быть холодным, черствым, не замечающим чужого горя. Гнать от себя пришедших за духовной помощью и утешением запрещала ему совесть.

Однако теперь он старался утешать народ по большей части тайно, незаметно. На ходу скажет скорбящему слово утешения или вразумления в ответ на его вопросы, и тут же проходит мимо, не останавливаясь. И поражался скорбящий: как провидел старец его душу! И окрылялся надеждою на спасение, находил выход из затруднительного положения.

Некоторые из насельников святой обители даже на духовных чад старца смотрели с неудовольствием.

Желая помолиться вместе с духовным отцом, его чада во множестве съезжались в обитель к очередной служебной неделе отца Саввы, но его очередь стали нарушать, переставлять, так что батюшка и сам не знал наперед, когда будет его служебная неделя. Будто бы всё делалось так, чтобы разобщить пастыря и словесных овец. Старец скорбел, видя, как чада унывали, и старался утешить их, как только мог. И вот наместник смирился, вызвал отца Савву, попросил у него прощения и пособоровался. Нестроения постепенно стали утихать. После этого старец стал настаивать, чтобы в обители возобновили древнюю традицию – чин чтения Неусыпаемой Псалтири, ибо чтение Псалтири убивает всякое зло и ограждает всех миром и любовью. Настоятель обители благословил, а Святейший патриарх Алексей утвердил возобновить чтение Неусыпаемой Псалтири. Отцу Савве дали дополнительное послушание – руководить этим чтением. Он с радостью принял послушание как благословение Самой Царицы Небесной. С Божией помощью и при участии некоторых духовных лиц, батюшка написал «Уставные особенности чтения Неусыпаемой Псалтири». Ради усердия и любви к молитве иноков, это благочестивое начинание продолжается и по сей день. Отец же, схиигумен Савва, был усердным смотрителем на этом ответственном послушании бессменно до самой своей кончины. И Псалтирь звучала непрерывно, неусыпно! Если же кто из братьев по какой-либо причине не являлся на свой час, отец Савва заменял его сам.

Старцу разрешено было совершать богослужения, говорить проповеди, исповедовать. Но скорби, напраслины, клевета и всевозможные искушения отразились на его здоровье, силы телесные у него с каждым днем слабели. Как ни старался он не показывать вида, что болеет, всё же чаще стал просить всех молиться за него. По благословению архиерея отец Савва давно уже приготовил для себя место в Богом зданных пещерах, но однажды ему предложили уступить приготовленное место для погребения умершего схимника, а другое место готовить для себя ему не разрешили.

И вот по милости Божией и по усердным молитвам духовных чад совершилось чудо – после тяжелой болезни отец Савва остался жив. Заботливое попечение о здоровье подвижника было и со стороны владыки, архиепископа Иоанна. Он всегда справлялся о здоровье батюшки, давал ему «путевки на климатолечение» в Грузию. В стране Иверской – Втором уделе Матери Божией – старец находил себе теплый приют и заботу духовных чад, которых там было много. В длительный отпуск в 1965 году отец Савва собрался в один день. Отпуск обещали дать после праздника Успения, между тем владыка благословил ему ехать на лечение в конце июля. С большим нежеланием отпускали батюшку из монастыря.

Прибыв в Иверию, старец деятельно включился в духовную жизнь. С утра до позднего вечера к нему тянулась вереница людей, жаждавших его благословения и духовной поддержки, и он поставил себе целью: потрудиться здесь для

пользы Христовой Церкви. Посетив святые места Иверской стороны, он весьма скорбел о забытом месте, где когда-то в третий раз была обретена глава святого пророка Иоанна Крестителя. И первостепенной задачей отца Саввы стало – отыскать в Команских горах это святое место.

Горы Команы в Абхазии – в нескольких верстах от Сухуми. Святое место никем не посещалось лет пятнадцать и было всеми забыто, и задичало. Батюшка благословил двух своих духовных чад найти затерянное место в горах. Две недели они искали, терпя голод и жажду, зной и ночную прохладу, и по молитвам старца место это обрели. Достоверность подтвердил местный старейшина: «Да, да! Всё так, как вы рассказываете. А над этой скалой, где была сокрыта глава Крестителя, на вершине горы стояла часовня». И, действительно, остатки этой часовни сохранились. Когда отец Савва в сопровождении своих духовных чад в первый раз пошел к этому месту, то всю дорогу над ними пела птичка, и пение ее приостановилось, когда они пришли к цели. Путь туда шел вдоль крутого утеса, а место, где хранилась святая глава Пророка, представляло собою нишу в рост человека и располагалось в отвесной белой каменной скале. Ниша имеет форму огромной головы, лежащей на блюде. Отчетливо отображены в камне очертания глаз, носа, подбородка. Убедившись воочию и чувствуя сердцем верность находки, батюшка отслужил здесь молебен и благословил одну из чад написать на полотне икону Главы Иоанна Крестителя. Эта икона была

приклеена в нише в правом верхнем углу. После этого сюда потянулся поток паломников, и святое место стало предметом общего поклонения. Радовался старец и благодарил Господа, что сподобился потрудиться в этом святом деле.

Побывал батюшка и в высокогорном селце Псху (за перевалом), куда доступа, казалось бы, и нет. Бывшее монашеское селцо раньше насчитывало до семидесяти церквей. Оно расположено в живописной долине, окруженной лесистыми горами. Неподалеку от долины виднеются таинственные горы: Монашеская скуфья, Серебряная и Святая, с которой стекают 12 источников прохладной целебной воды и на Пасху Христову слышится колокольный звон. Набожные люди часто ходят на эту гору за святой водой. К великому сожалению, в Псху не сохранилось ни одной церкви. Старец пожелал открыть здесь храм. Мысль поведал епископу Роману, Абхазскому и Сухумскому. Епископ согласился выделить туда священнослужителя. Необходимо было, чтобы местные жители написали прошение на имя епископа об открытии храма. И вот батюшка благословляет своих чад духовных отправиться в Псху для оформления бумаги. Ждать пришлось недолго. В два дня заявление было оформлено, подписей получили больше чем достаточно. Народ радовался такой заботе о них, один из жителей отдавал свой дом под храм. Пршение передали Владыке. Таким образом, перед отъездом отца Саввы из Иверии это доброе дело было принято к исполнению. Уезжая, он благословил одну из духовных чад быть в

том храме псаломщицей.

На Новом Афоне старец узнал об открытии Иверских пещер (Анакопийская пропасть, глубина 282 м) и об изысканиях о них. Попасть туда можно было лишь по веревочной лестнице, через узкий отвесный колодец. Вместе с экспедицией одна из смелых батюшкиных чад, Мария, спустилась на дно этой пропасти, где пробыла двое суток и получила исцеление от болезни легких. Она преподнесла в подарок отцу Савве дар пещер – чудный прозрачный хрусталь. Эта же Мария с другими сестрами, по благословению и молитвам старца, достигла вершины Казбека. На самой вершине Кавказа отыскалась в скале дверь, запертая огромным замком. Это были остатки православного монастыря.

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, Абхазия. Современное фото

Подвиг духовных чад старца несказанно удивил дежурных высокогорной наблюдательной станции. Еще бы, преодолеть такие трудности! На каждом шагу им грозила смерть. Господь сохранил всех целыми и невредимыми.

В Сухуми положено начало чтения Неусыпаемой Псалтири среди духовных чад батюшки. Составили расписание, кто в какой час и какую кафизму будет читать. Но так как духовные чада живут в городах и селениях, в нескольких часовых поясах страны, старец повелел всем читать кафизму по московскому времени. Список открывался сухумскими

чадами, затем в расписание включались богомольцы других мест. «Только заполняйте чтением весь свой час, – наставлял батюшка, – не запаздывайте и не кончайте раньше ни на пять минут, ни на две минуты, чтобы свеча молитвы не угасла, чтобы вы передавали ее из уст в уста. А больше часа можно читать. Если остается время, читайте еще 82-й псалом – за сохранение Церкви, обители; 34-й псалом – за свое благополучие; 139-й псалом – от нападения врагов. Еще читайте Евангелие от Иоанна – главу, соответствующую своей кафизме, но никогда не кончайте чтение раньше положенного времени. Ведь какая это премудрость Божия: наша земля, как неусыпающая кадиланица! Здесь заканчивается обедня, а где-то только зажигают лампадки, приступают к службе, а еще где-то поют “Се Жених грядет в полнощи”. Значит молитва на земле никогда не прекращается! Вот и мы должны составить свою неусыпаемую молитву – Неусыпаемую Псалтирь!»

На обратном пути из Иверии батюшка посетил могилу своего наставника епископа Вениамина Саратовского. Панихиду о упокоении владыки он отслужил на дому у духовных чад, так как на кладбище этого делать не разрешалось.

Отец Савва решил вернуться в Псково-Печерский монастырь раньше, к празднику Воздвижения Креста Господня. Он сердцем чувствовал надвигающуюся «тучу». Его действительно ждали на три дня раньше срока, была даже отправлена телеграмма в Сухуми. Всё обошлось благополучно,

он опять остался в числе братии. Старец заметно окреп, силы его восстановились, и он радостно утешал своих чад: «Я еще, Бог даст, поживу».

16 августа 1973 года наместник архимандрит Алипий совершил его постриг в схиму, не меняя имени, но уже в честь преподобного Саввы Освященного.

Отличительной особенностью старца была простота во всём. Он призывал жить проще, как живут малые дети.

Старец любил молиться, дерзновенна и действенна была его молитва. В ней он черпал силы на дальнейшие труды, в ней находил покой и отраду своему сердцу. Любил он молиться у жертвенника, вынимать частицы на проскомидии. И часто со слезами вынимал частицы за скорбящих, болящих, недугующих и ради своей крепкой веры он получал от Господа просимое на пользу страждущим. Сколько одержимых и душевнобольных приезжали к нему в Псково-Печерский монастырь и по его молитвам освобождались от своих болезней!

Схиигумен Савва (слева) и архимандрит Алипий (Воронов) в алтаре Михайловского собора Псково-Печерского монастыря

Особенно любил старец совершать Божественную литургию. Служил батюшка без деланных эффектов, и не любил

их, держал себя естественно и просто. Любил аккуратность во всем, не любил, когда кто-нибудь опаздывал или, наоборот, бесцельно спешил. Его интонация во время молитвы выражала непоколебимую уверенность и внутреннюю мощь. Чувствовалось, что молитва его льется из глубины чистой, глубоко верующей души и полна смысла и воодушевления в обращении к Богу. Он молился громко и дерзновенно, как бы беседуя с Богом.

Не чувствовалось в нем усталости, утомления от Божественных служб даже и в глубокой старости, когда ему было уже за восемьдесят. Старец черпал силы в Святом Причащении. Любил он, чтобы и духовные чада его часто причащались, особенно за его службой. Он был человеком живой глубочайшей веры. А живая вера – это живое общение с Богом! Пламенно верующий и ищущий высоты Богообщения, он видел в Причащении Христовых Таин действительное приобщение ко Христу. Здесь пребывает Сам Христос! По молитвам отца Саввы в душе богомольцев являлось такое сильное сокрушение, сознание своей греховности, виновности перед Богом, что слезы покаяния ощутимо омывали душу.

Находясь постоянно с людьми, батюшка умел хранить внутреннее делание, сосредотачивая это трезвение в сердечной молитве.

Несмотря на свой преклонный возраст, при постоянном духовном и телесном напряжении, окруженный разного рода

неприятностями, внешними и внутренними, батюшка удивительно сохранил в себе юношескую свежесть и бодрость. Жизнерадостность, свойственную юношескому возрасту, он сохранил до конца своей жизни. Голос у него был мягкий, приятный для слуха и выразительный, особенно при богослужениях. Пел он, славя Господа, с особым воодушевлением. Обладая на редкость острой, прочной памятью, он еще отличался и живым воображением, и основательными богословскими и научными знаниями, увлекательным даром слова.

Любил старец природу, как и вообще всё прекрасное в мире. Но эта любовь его к прекрасному была истинно монашеского характера – ради Господа! Ради Господа он любил и радовался, когда обитель украшали великолепными цветами. Ради себя, своего удовольствия ничего не делал, добровольно изгоняя из своей келейной жизни всё, чем любил доставлять утешение другим. Все доброхотные даяния многочисленных посетителей старец тут же раздавал, ничего не оставляя себе: для монаха всё лишнее – помеха. Но он никогда не обижал благодетелей отказом, всё принимал от них, чтобы потом раздать нуждающимся. И всем притекающим к нему хотелось получить из его благодатных рук хоть маленький гостинчик. Такие гостинчики они ценили как святыню. Он весь и всецело принадлежал церковному народу.

Духовные чада знали, что их родной старец всю свою жизнь проводил в непрестанной молитве, в трудах и скор-

бях, и готов был с радостью понести всякую клевету, поношение, оскорбление, рассуждая так: «Как ни черни монаха, чернее рясы он не будет!» Евангельская любовь поддерживала в нем свет благоразумного рассуждения, и потому он радовался во всех своих скорбных обстоятельствах. Однажды на ночь закрыли его в пещере на замок, и он радовался случаю там помолиться. А когда чада стали возмущаться, он сказал: «Скорбями приближают спасение!» Как истинный миротворец, он всеми силами старался водворить мир между враждующими и искренне радовался, когда ему удавалось устранить вражду: «Слава Богу, примирились!»

Как верный слуга Господа, одаренный Им даром молитвы, даром утешения и исцеления, собрал старец великую духовную семью, показал силу Божию, проявляющуюся чрез избранных Его, и показал это в наш нерадивый сомневающийся век.

Отец Савва постоянно в молитве прибегал к Матери Божией, называя Ее «Громом бесам», ибо нет ничего страшнее для бесов, как явление Божией Матери. Они не могут погубить человека, если только сам человек не отступит от Пресвятой Богородицы. Вся жизнь старца протекала под покровом Владычицы. Любил батюшка славить Матерь Божию, он всегда как бы предстоял перед Нею: «Радуйся, яко вси вернии к Тебе притекающие спасаются!...»

Старец умело использовал каждый проступок духовных чад, вынося из него урок в назидание другим и к исправле-

нию провинившихся.

Зная ослабленность нынешних людей, отец Савва ни на кого не накладывал чрезмерного поста. Он был сторонником и проповедником духовного поста: не огорчать, не осуждать, не впадать в гордость. «Видишь, что силы ослабли, подкрепишь пищей и сном, чтобы молитва не страдала, – говорил он, – но не суди никого, не огорчи, принуждай себя к молчанию и молитве». Телесный пост ничего не значит без духовного поста. Но скоромную пищу в постное время старец никому из здоровых людей не благословлял.

Телесные силы старца к концу жизни слабели всё больше и больше, к тому же по откровению свыше он знал, что кончина наступит внезапно, поэтому всегда ожидал смертного часа. Несмотря на крайнюю слабость телесных сил, он старался не обнаруживать этого, особенно перед своими чадами, чтобы не расстраивать их, и, преодолевая себя, утешал всех. Обычная веселость его нрава ни в ком не допускала мысли, что скоро-скоро уйдет он на вечный покой.

С удивительным спокойствием духа ждал он приближения своей кончины. Он говорил о ней, как о радостном событии, всю надежду свою возлагая на милосердие Божие. Только любовь к духовным чадам – будущим сиротам заставляла его держаться за жизнь и подлечивать свой организм. Однако некоторых чад старец постепенно, с осторожностью стал подготавливать к разлуке с собой. Особо близким из них батюшка открыл то, что Господь возвестил ему о его кончине:

«Сказано мне, что еще 5 лет проживу, а если чада духовные будут усиленно молиться и исправляться, то и больше...»

Годы шли в томительном ожидании, а батюшка, напрягая слабеющие силы, будто ни в чем не бывало, продолжал утешать приходящих к нему. После литургии он в коридоре садился на деревянный диванчик около своей келии, а пришедшие поочередно подходили к нему со своими нуждами, духовными вопросами. На бытовые вопросы батюшка не отвечал. Он говорил: «Я схимник. Мое назначение – молиться и души спасать. Если я буду заниматься бытовыми вопросами, то превращусь в обывателя. Избави Господи!»

Собрав все завещания в одну книгу вместе со своими стихотворениями и праздничными поздравлениями, батюшка раздавал ее своим чадам. Много слез было пролито чадами при чтении этой книги. Весть о близкой разлуке со своим любимым пастырем распространилась среди верующего народа. Старец уже открыто всем намекал и напоминал о своем близком исходе. Однажды по окончании литургии, когда все уже подошли к кресту, он вышел из алтаря и сказал: «Вчера в алтаре чуть не умер, но вы помолились – и я ожил. Благодарю за молитвы. Может быть до Успения доживу».

Несмотря на чрезмерную слабость, батюшка не прекращал прием посетителей, но время посещения ограничили до одного часа, с 17 до 18 часов.

Однажды погода резко изменилась, подули сильные ветры, и в коридоре братского корпуса, где принимал отец

Савва, гуляли сквозняки. Ночью он почувствовал сильный озноб, поднялась высокая температура. Началась тяжелая болезнь – воспаление легких. От высокой температуры он горел как в огне. Бесперывный кашель душил его. Иногда приходилось применять кислородную подушку. Не было сна, совсем пропал аппетит. Отец Савва попросил благочинного, чтобы его пособоровали. Монастырский духовник, архимандрит Феофан, ежедневно причащал его Святыми Дарами.

Тяжелая болезнь с хроническим заболеванием легких приняла затяжной характер. Болезнь с июля 1979 года продолжалась до праздника Успения Божией Матери. Однажды в период этой болезни батюшка испытал чувство разлучения души и тела... Он умирал. Тело его лежало холодное и недвижимое, но сознание оставалось ясным. Вспомнил он своих сирот (духовных чад), в большинстве еще неокрепших духом, неопытных в духовной брани. Молниеносно пронеслись пред его мысленным взором злострадания тех, которые находились на испытании, и беспомощность, растерянность остальных. «Не готов!.. Не готов я!» – пронеслось у него в голове, мысленно взывал он к Богу, умоляя продлить ему жизнь.

Святая обитель усиленно молилась о выздоровлении старца. Особенно усердно молились духовные чада. Они заказывали множество литургий о здравии своего дорогого батюшки, несли усиленные молитвенные подвиги, давали Госпо-

ду обеты о своем исправлении, и действительно, многие из них стали неузнаваемы: молчаливы, сосредоточенны, самоуглубленны. Всё реже и реже встречались случаи взаимных огорчений, непонимания друг друга. В духовной семье старца установился прочный мир. Батюшка радовался и благодарил Господа и Его Пречистую Матерь за содействующую и укрепляющую их благодать.

По слабости здоровья после праздника Успения Божией Матери батюшка ходил в храм только по воскресеньям и в праздники, но потом здоровье его по милости Божией стало восстанавливаться, и он иногда говорил: «Теперь еще 5 лет проживу, а может и больше...»

27 июля 1980 года, в воскресенье, в 9 часов 45 минут в Бозе почил старец Псково-Печерской Свято-Успенской обители схиигумен Савва. Об этом возвестил монастырский колокол. Весть о кончине старца быстро разнеслась по всем городам и селениям страны. Все эти дни поезда и автобусы были переполнены богомольцами, едущими в обитель, чтобы попрощаться со старцем.

По благословению владыки Иоанна, митрополита Псковского и Порховского, погребение старца назначили на 30 июля, на четвертый день после его кончины. Из тесной часовенки гроб с телом подвижника был перенесен в Успенский храм, где непрерывно служили панихиды, чередуя их с чтением Евангелия. На четвертый день тело почившего старца было перенесено в более вместительный Сретенский

храм, там отпевание совершил наместник монастыря, архимандрит Гавриил в сослужении священноиноков обители и прибывших священнослужителей. После отпевания, при большом стечении народа, гроб с телом старца обнесли вокруг Успенской площади и занесли в Богом зданные пещеры. В пещерах гроб с почившим поставили около храма Воскресения Христова. Так земная жизнь великого молитвенника окончилась, началась вечная.

Не было человека, соприкоснувшегося с отцом Саввой, который бы не утешился рядом с ним. Для каждого у старца находилось слово любви и мудрого наставления.

– Каким был ваш духовный отец схиигумен Савва? – спросили у одного из духовных чад.

– Он творил любовь, – был ответ.

Поэтому никогда не угасает лампада на могиле старца в Богом зданных пещерах Псково-Печерского монастыря.

Духовные завещания схиигумена Саввы

Читая жития и духовно-нравственные поучения подвижников Божиих, отец Савва встретил в них благочестивый совет о том, что лицам в преклонном возрасте, а также немощным и болезненным, на случай смерти следует оставлять завещания. Имея преклонный возраст (80 лет) и чувствуя телесную немощь, схиигумен Савва на случай своей смерти оставил такие завещания.

1. Завещание, относящееся ко всем

«До радостного свидания! Жил, веруя в Бога, ожидая Страшного Суда и воскресения мертвых. Перехожу в новый мир, надеясь, что Бог-Любовь за предстательство Пресвятой Девы Богородицы и всех святых помилует грешную душу мою, Ему всецело преданную и Его любящую, прожившую жизнь ради славы имени Его. Отцы и братия о Господе и чада Единыя Святыя Церкви, простите меня, недостойного, во всем, и я всех прощаю, кто имеет нужду в прощении. Не лишайте меня последнего благодеяния – молитв ваших о мне к Богу. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да пребудет со всеми вами! Аминь».

2. Завещания духовным чадам

*Отче Святой, соблюди их во имя Твое, ихже дал еси
Мне, да будут едино, якоже и Мы.*

Ин. 17, 11

Завещание первое

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Возлюбленные мои чада духовные! Приближается переход мой из жизни временной в жизнь вечную. При кончине моей не скорбите чрезмерно, не предавайтесь излишней печали и унынию, чтобы не ослабеть вам в молитве. Молитесь усердно, да упокоит Господь душу мою в селениях праведных, и утешайтесь надеждой. Не забывайте, что душа бессмертна и любовь не умирает. Для вас я всегда буду живой.

Когда меня не станет, так Богу угодно, приходите, мои милые духовные детки, ко мне на место моего погребения, хотя даже мысленно, или смотрите на фото мое, и всё, что есть у вас на душе, как живому расскажите, излейте свои скорби и печали, и я услышу... И если я обрету у Господа дерзновение, то и надеюсь быть ходатаем за вас пред Богом. Духом я всегда буду с вами. Не было и нет у меня к вам иного чувства,

кроме безграничной, всеобъемлющей христианской любви, кроме сильного желания спасти ваши души и привести вас к блаженной жизни вечной.

Не будьте судиями дел отца вашего, но будьте усердными исполнителями его велений. Если я намеренно иногда огорчал вас, испытывая, то это единственно для того, чтобы вы на опыте своей жизни познали, какие духовные плоды дарует Господь несущим без ропота и с любовью всё скорбное и тягостное.

Так я приучал вас любить обижающих вас, а за эту добродетель Господь уготовляет венцы нетленные в Царстве Небесном.

Дети мои возлюбленные, чада духовные!

В руководство и назидание оставляю вам свои труды – духовные книги, в которых вы найдете всё потребное для вашей богоугодной жизни. С усердием изучайте их и с Божией помощью исполняйте. Идите стезями правды и добра, идите путем тернистым, путем самоотречения – это самый верный и самый близкий путь в Царство Небесное.

Для меня нет большей радости и большей награды, как в обителях Райских увидеть всех моих духовных чад – истинных рабов и страдальцев Христовых в Его Небесном Царстве.

Никогда не забывайте, что все мы – одна семья Божия, все мы – дети Единого Отца, все мы – продолжение тела Господа Иисуса Христа, и потому любовь друг к другу вы долж-

ны иметь до самопожертвования. Забывая себя, вы должны с искренней любовью служить своим ближним.

Поминайте меня в своих молитвах. До 40 дней очень желательно поминать в храмах и кормить нищих, потому что сорокадневное поминовение в храмах и питание нищих много помогает в загробной жизни. Желательно к этому отслужить еще семь заказных Божественных заупокойных литургий...

По особому откровению Господа и Божией Матери, чтение Неусыпаемой Псалтири оставлять не надо. Господь вознаградит за сие благочестивое делание всех усердствующих и взыщет с ленивых и нерадивых.

Вот основное, что заповедую вам. Прошу у вас прощения. Преемником себе никого не назначаю, представляю это воле Божией, избранию Богоматери и желанию самих духовных чад. Желających остаться под моим незримым руководством вручаю покрову Божией Матери.

Да будет над всеми вами, возлюбленные чада духовные, Божие благословение и покров Пресвятой Богородицы, благословение преподобных Псково-Печерских и всех святых. Ангелы-хранители, да пребудут с вами неотлучно до конца ваших дней. Да сохранит и помилует вас Господь Своею благодатию».

*Просящий ваших святых молитв,
с вами пребывающий навеки
духовник схиигумен Савва*

Завещание второе

Друзья мои духовные и чада верные!
Как пастыря меня о Господе любя,
Вы книги все, последние и первые,
И все труды мои храните для себя.
Случится так, что телом я уйду от вас —
Тогда пусть будет вам одно из правил:
Сходитесь иногда, хоть мысленно, на час,
Читайте те труды, что я для вас оставил.
Потом, обдумав всё, скажите: «Это он
Как прежде и теперь заботится о нас!»
И благодатию Христа, стряхнув могильный сон,
Войду невидимо я к вам в заветный час.
И как при жизни моей вас благословляя,
Усердно буду к Господу взывать,
Чтоб на дела святой любви всех вдохновляя,
Вас осеняла свыше Божья благодать.

Духовник отец Савва

В этом завещании отец Савва проводит глубокую мысль о непрекращающемся своем молитвенном общении с духовными чадами. Эта непреложная истина является надежным якорем для всех духовных чад, особенно малодушных, в их духовной жизни под незримым водительством своего духовного отца.

Завещание третье

Заповедь Божию вам завещаю —
Вы ее свято храните:
Обиды, напраслины ближним прощая,
Чада! Друг друга любите!
Оставив греховные все увлечения,
Путем благочестья ходите,
Собою являя пример всепрощенья,
Чада! Друг друга любите!
Меня поминайте в молитвах усердных
И мирно друг с другом живите,
Пусть заповедь будет одною из первых:
«Чада! Друг друга любите!»

Ваш духовный отец схиигумен Савва

Завещание четвертое

*В час полночный, когда засыпает обитель,
Пред Распятием низко склоняясь,
Я молю Тебя, мой Искупитель:
В смертный час Ты меня не оставь.
Вас прошу я, мои дорогие,
Во Христе отцы, братия, сестры, друзья,
Как умру, схороните в пещерной могиле
Под Распятием Крестным меня.*

*Чтобы Крест Всесвятой, мой любимый,
Своей славой всегда украшал
Мой телесный прах и могилу,
Мою душу чтоб там утешал.
И к Тебе, Боже Щедрый, взываю:
Ты меня под Крестом упокой,
На котором висел Ты, страдая,
Чтобы он охранял мой покой...
И, как Богу, Тебе всей душою моею
Приношу я молитву свою:
У подножья Креста, в любви пламеня,
Жизнь окончить сподоби мою.
Будь всегда Святой Крест над могилой,
Где покоиться прах будет мой, —
Мою душу, Иисусе Сладчайший, помилуй,
Со святыми ее упокой.*

Такие письменные завещания составил отец Савва перед своей кончиной. Но еще раньше, когда он тоже был на пороге смерти, своим духовным чадам он преподал устное завещание.

Завещание пятое

Дорогие мои возлюбленные чада духовные! Подходит к концу путь мой. Скоро смерть разлучит меня с вами. Оставляю вам в наследство свое завещание, не забывайте моих слов.

Помните всегда главную цель жизни – стяжание Святаго Духа. Имейте страх Божий, храните чистоту душевную и телесную, в трепетном смирении и благоговении преклоняйтесь перед величием Божиим. Уклоняйтесь от нечестия и стремитесь к благочестию. Старайтесь всегда пребывать в трудах, посте, бдении, непрестанной молитве. Бойтесь праздности, старайтесь исполнять все заповеди Божии.

От вашего благочестия будет радоваться дух мой. Для меня нет большей радости, как знать, что дети мои духовные держатся истины и благочестия.

Спасайтесь, чада мои возлюбленные! Будьте добры и милосердны, не делайте никому того, чего сами себе не желаете. Помните: спасение свое мы устроаем только тогда, когда не расстраиваем счастье других. Самое дорогое в человеке – душа, и надо в человеке уважать душу (образ Божий). Прославлять Бога – значит не осуждать ближнего. Если просишь у Господа помощи, то сам помоги ближнему: если просишь прощения грехов – сам прости ближнему.

Имейте мир и любовь между собою, чтобы вселился Христос в сердца ваши, но любовь должна быть истинной, ищущей спасения ближних, а не лъстивой. В духе кротости и любви помогайте друг другу освобождаться от грехов, но берегитесь осуждать и грубо обличать. Не будьте сами грубы и лъстивы, но от других строгость, грубость и оскорбления принимайте с радостью, а лесть и человекоугодие отменяйте. Терпите безгранично, прощайте бессчетно. Несите терпели-

во каждый свой крест в немощи других, не унывайте и не ропщите, и за всё благодарите Бога. Благодушное перенесение скорбей и болезней и ласковый уход за больными – выше поста и молитвы, и за всё это получают награду от Господа.

Не любите суетной чести и славы, возлюбите смирение и кротость. Смирение и любовь истребляют из души и тела все греховные страсти и привлекают благодать Божию. В этом и заключается спасение.

Больше всего бойтесь и помните час смертный и Второе Пришествие Христово!

Когда находитесь в скорби или напастях, читайте Сладчайшему Иисусу Христу канон с акафистом и молебный канон Божией Матери «Многими содержимь напастьми». Чтобы освятить душу, чтобы открылись внутренние очи, со вниманием читайте 17-ю кафизму.

Не опускайте ни одного дня без исполнения Богородичного правила – 150 раз «Богородице Дево, радуйся...» Не забывайте целовать свой крестик утром и вечером, чтобы освятить свои души лучами благодати.

Любите Евангелие, чаще читайте его, в нем всё написанное сладостно для сердца и спасительно для души. Особенно часто читайте Нагорную проповедь Спасителя (Мф. 5, 1–12), 15-ю главу от Иоанна о любви и Послание апостола Павла к Римлянам (гл. 13), где указано всё, как надо жить христианину. По возможности читайте молитвы, которые я раздавал вам. Изучайте книги, которые я написал для вас. Они

разрешат все ваши недоуменные вопросы.

Возлюбите простоту, не мудрствуйте лукаво. Внутренняя радость приходит через простоту, а высокоумие ведет к маловерию и неверию и сбивает с пути спасения. Не лукавьте... Если вас будут спрашивать: «Верующая?», прямо скажите. «Да, верующая!» – не отказывайтесь от Господа, не уклоняйтесь в лукавство.

И еще раз напоминаю вам, дорогие мои: нет спасения не покаявшемуся в этой жизни, а истинное покаяние заключается в очищении сердца от страстей и пороков, в исправлении порочной жизни. Механическое перечисление грехов на исповеди не спасает душу, это мерзость пред Богом и кощунство над таинством Святой Православной Церкви. Чаше причащайтесь Святых Христовых Таин.

Помните, что ваше старание стяжать Духа Святаго, ваша любовь к Спасителю, Божией Матери и Святым Небожителям, а также к ближним и врагам своим, ваше смирение и покорность воле Божией возвеселят дух мой радостью неизреченною.

Мое последнее слово к вам – это просьба о молитве. Помните обо мне и молитесь, чтобы Господь упокоил душу мою в Своих обителях, но молитва должна дышать надеждою, ведь без надежды молитва грешна.

Схиигумен Савва за чтением Неусыпаемой Псалтири

Прошу и молю вас, возлюбленные, не оставляйте свой час чтения Неусыпаемой Псалтири и прилежнее молитесь друг за друга, за сродников, за всех знаемых и за весь мир, за всех усопших, жаждущих наших молитв, ибо это есть великая помощь для их душ.

Подавайте милостыню. Поминайте о упокоении приснопамятного протоиерея Иоанна Сергиева¹, блаженной Ксении, моих почивших духовных отцов: епископа Вениамина, схиархимандрита Илариона, схиигумена Алексия, иерея

¹ Здесь и далее – прав. Иоанн Кронштадтский. Отец Иоанн был прославлен 8 июня 1990 г., уже после смерти схиигумена Саввы. – *Примеч. ред.*

Иоанна (крестившего меня). Родителей моих: Михаила, Екатерины и сродников: Веры, Евдокии, Иулиании, Лукии, Татианы, Григория, воина Василия, военачальника Петра с его воинами; Михаила, Анны, Иосифа, Агафии, Иоанна, Анны, девицы Параскевы, младенца Родиона, младенца Варвары, младенца Феодоры, младенца Наталии.

Помните «Ежедневные правила христианской жизни» и «За что подобает благодарить Бога». Пусть всё это будет храниться в памяти и сердцах ваших, ибо всё это есть пища и жизнь души.

Живите мирно, терпите с радостью находящие скорби и болезни и сохраняйте всё, что слышали от меня. Вручаю вас, дорогие мои чада духовные, Той, Которой от века предназначено стать Матерью желанного Избавителя людей от плена адского – Пресвятой Владычице Деве Богородице. Она будет вашей Игуменьей и Защитницей от всех стрел вражиих, врагов видимых и невидимых.

3. Духовное завещание братии

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Преклонный возраст и болезни предвещают мне близкую кончину, мое переселение от временной жизни в жизнь вечную. Я не знаю, предопределен ли я ко спасению или обречен на вечные мучения... Но я не отчаиваюсь... Жил, веруя в Бога, ожидая всеобщего Воскресения и Страшного Суда.

Перехожу в иной мир с надеждой на помилование за предстательство Пресвятыя Богородицы и всех святых. Высшим для себя служением почитал быть рабом всех православных христиан. Распалаясь Христовой любовью, я желал бы прижать к груди своей весь род человеческий и умереть за спасение всех в болезнях и муках.

Воистину, возлюбленные отцы и братия во Христе, не было и нет в моем сердце огорчения ни на кого из вас; если же злая сила внушала когда-либо кому-нибудь из нас сделать, сказать или помыслить худо, то я с любовью прощаю всем всё; простите и вы меня, недостойного, искренне любящего вас, но от неискusstва не умеющего доказать вам своей любви. Прошу вас, сотворите любовь, не лишайте меня последнего благодеяния – ваших святых молитв о мне ко Господу.

Если я обрету у Господа дерзновение, то и надеюсь ходатайствовать пред Ним за всех вас, и особенно за тех, кто будет поминать меня в своих молитвах.

Введенное по благословению Высокопреосвященнейшего Иоанна, Митрополита Псковского и Порховского, чтение в обители Неусыпаемой Псалтири как было при мне, так и по смерти моей, надеюсь, будет продолжаться неукоснительно. Господь вознаградит за сие благочестивое делание всех усердствующих и взыщет с ленивых и нерадивых.

Прошу погребсти тело мое в Богом зданной пещере, когда бы и где бы Господь ни благословил мне отойти от здешней жизни.

Кресты, книги, личную одежду и прочее завещаю всё в обитель.

Прошу исполнить мое завещание, и да поможет вам в этом Господь, а Матерь Божия и наши святые, преподобные: Марк, Иона, мать Васса и преподобномученик Корнилий исходатайствуют благословение Божие на всех живущих в обители, и обитель наша не оскудеет».

Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь.

*Прсящий ваших святых молитв
многогрешный схигумен Савва*

Из воспоминаний о духовном отце

Самым большим событием в своей жизни я считаю встречу со схиигуменом Саввой (Остапенко). Впервые я встретился с ним в 1955 году в монастырском корпусе Троице-Сергиевой лавры, когда он ожидал приема у наместника монастыря – архимандрита Пимена (будущего Святейшего патриарха всея Руси). Отцу Савве предстояла разлука с обителью: сразу после рукоположения в иеромонаха он оказался в числе гонимых светскими властями, а отчасти – и своими собратиями. Дело в том, что отца Савву постоянно окружал народ; около монастырских ворот можно было видеть толпу богомольцев, которые часами ожидали, когда он выйдет из кельи, чтобы взять у него благословение или спросить о чем-то очень важном для себя. Какая сила притягивала к нему людей? Мне кажется, сила непрестанной молитвы, которая делает человека подобным духовному магниту. Молва о великом молитвеннике шла по всей Руси и с каждым днем собирала около него всё больше духовных чад. Это было единственным и самым тяжелым обвинением против него для негласного суда. Такие суды, чем-то напоминающие «тройки» тридцатых годов, вершились в кабинетах уполномоченных при закрытых дверях. Гонения на отца Савву продолжались несколько лет со всё возрастающей силой. Ложь, угрозы, притеснения, оскорбления, клевета обрушивались

на него, будто удары молота, а он стоял неподвижно, как наковальня. Наконец власти потребовали, чтобы его перевели в какой-нибудь монастырь подальше от столицы. Отец Савва уже получил указ о направлении его в Псково-Печерскую обитель и ожидал благословения наместника отправиться в путь.

Что меня поразило в отце Савве в тот день? – То, что он был совершенно спокоен, как будто всё происходящее не касалось его, как будто вся его жизнь сосредоточилась в имени Иисуса Христа, а до остального ему мало дела. Он вверил себя и свое сокровище – чад своих – воле Божией и покрову Пресвятой Богородицы. Мне казалось, что если бы его послали не в Печерский монастырь, а в степи Казахстана или в заполярную тундру, то он принял бы это с таким же душевным миром и готовностью, как послушание, данное от Бога.

Я подошел к нему, взял благословение и попросил уделить мне несколько минут. Я спросил о том, что считал самым главным: как научиться Иисусовой молитве. Отец Савва внимательно посмотрел на меня. Кажется, ему понравился мой вопрос. Он стал излагать мне учение святых отцов об Иисусовой молитве по «Добротолюбию». Я был удивлен тем, что он помнил наизусть целые страницы из святоотеческих творений. Раньше я читал «Добротолюбие», но в его устах оно звучало по-другому. Слова отцов были как бы оживотворены и согреты его личным молитвенным подвигом. Я воспринимал их так, будто слышал в первый раз. Словно рань-

ше, открывая книгу, я видел ноты, а теперь слышу их дивное звучание. Страницы «Добролюбия» засияли передо мной внутренним светом. Мне казалось, будто древние отцы-аскеты говорят его устами. Что я испытывал в эти минуты? – Какую-то необычайную живую теплоту в своем холодном сердце. Тогда я почувствовал, что значит жизнь и смерть сердца. Я понял всем своим существом, почему люди уходили в монастыри и пустыни, какое духовное сокровище, подобное златоносной жиле, они находили там. И еще мне казалось, что если бы тогда отец Савва сказал мне: «Оставь всё и иди за мной», то я бы пошел за ним хоть на край света. Затем я спросил его: «У какого отца наиболее полно и ясно изложено учение об Иисусовой молитве, особенно для нашего времени?» Он ответил: «У русского инок Доротея в книге, называемой “Цветник рукописный”»², но добавил, что эта книга очень редкая и написана на церковнославянском языке. Он беседовал со мной с таким вниманием и участием, как будто ему не предстояло вскоре покинуть лавру, как будто не стояли у стен монастыря его чада, горько оплакивая грядущую разлуку с духовным отцом. Казалось, что у него нет ничего, кроме имени Иисуса Христа, и в этом имени есть всё. Монах на земле – нищий, и вместе с тем он царь в своих владениях:

² «Книга, глаголемая Цветник, сочиненная священноиноком Доротеем, содержащая заповеди евангельские и поучения святых отцов» (конец XVI – начало XVII века) неоднократно издавалась в XVIII веке. Ныне переиздана в переводе на русский язык. См., например, издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 2005.

его жезл – молитва, его корона – покров Пресвятой Богородицы, его престол – покорность воле Божией.

Духовное спокойствие отца Саввы передалось мне. Я почувствовал, что он любит меня, любит ради Христа, и что я, как ни странно, защищен этой любовью и со мной не может произойти ничего страшного. Это касалось не только моей души, но и всей моей последующей жизни: как будто с этого часа я нахожусь под невидимым покровом его молитв.

Это трудно объяснить: я обрел не гарантию от того, что мир считает несчастьем, а уверенность в том, что всё случающееся с человеком – только различные обстоятельства и ситуации, скорлупа жизни, но не сама жизнь, и что существует лишь одно действительное несчастье – потеря Бога. Я явственно ощутил, что с благодатью Божией нетрудно пережить все скорби в этом мире и что главное – то, чем живет человеческое сердце, а остальное – только внешнее, составляющее как бы оболочку жизни. Может быть, в малой степени, но я почувствовал то, что открыто святым: «С Богом везде хорошо». Без Бога внутреннее исчезает, а внешнее становится для человека полем постоянной борьбы: как зверь, оно преследует свою жертву повсюду и терзает его душу и плоть.

При встрече с отцом Саввой я не чувствовал никаких особых эмоциональных переживаний – наоборот, они утихли, как ветер, которому сказал Господь: стихни и перестань (см. Мк. 4, 39). Я подошел к отцу Савве, и в то же время мне показалось, что это он подошел ко мне и принес с собой то,

чего мне так не хватало, – окружающий его дух не земной, а какой-то глубокой, всепроницающей тишины. Эту тишину я ощутил в своем сердце. Разговоры с богословами, напротив, колебали мой ум, как будто я находился в лодке, раскачивающейся на волнах. А здесь всё оказалось просто, ясно и понятно. Замолкли внутренние противоречия, отступили темные силы, грызущие зубами сердце, и стало просто хорошо, как будто солнечным утром я пробудился от какого-то тяжелого сна. Это было состояние совершенной уверенности в бытии Божиим, в Его присутствии и в Его благом Промысле обо мне – так мы уверены в том, что существуют земля и небо. В этом состоянии невозможно рассуждать о вере, как невозможно и нелепо доказывать, что ты есть на этом свете. Благодать можно назвать «очевидностью Бога».

При встрече с подвижником особое пламя охватывает сердце. Это пламя не жжет, не вводит в состояние восторга, а открывает человеку, что есть еще некое таинственное «сердце в сердце», где обитает Господь. Как странно: если бы те же слова, которые произнес отец Савва, я услышал от другого человека, они осели бы в памяти ума, а сказанное отцом Саввой вошло, как острый клинок, в глубину сердца и осталось там навсегда.

Встреча со схиигуменом Саввой стала для меня самым главным свидетельством того, что существует нечто великое и невыразимое словом – истинная жизнь с Богом, без чего обычная жизнь – только затянувшаяся смерть. Я поцеловал

руку отца Саввы, и какое-то чувство подсказало мне, что моя жизнь будет неразрывно связана с ним.

Господь допустил меня грешного увидеть великих старцев нашего времени. У каждого из них были свои особые духовные дары. Как луч, преломляясь через призму, распадается на цвета радуги, так благодать Божия действовала в одном подвижнике как дар духовной мудрости, другим даровала способность утешать скорбящих и сострадать грешным, а схиигумен Савва, как мне всегда казалось, получил от Господа дар благодатной молитвы. Впрочем, слово «казалось» здесь не вполне точно: те, кто общался с ним, ощущали эту благодать. Они чувствовали силу его молитв своей душой, притом не только когда он молился в храме или в келье, но и когда вел беседу с ними или просто молча слушал их. Это была та непрестанная молитва, которая идет от сердца к сердцу, – молитва, неподвластная состоянию и времени. Человек чувствовал, что он вошел в незримый свет молитвы подвижника. Будет ли он рядом с отцом Саввой или за тысячи верст от него, будет ли он совершать путь земной жизни или уже окончит его – этот свет не угаснет и не померкнет, любовь отца Саввы не оставит человека одиноким и брошенным.

Когда я ехал к отцу Савве в Печоры, то мне казалось, что старец уже издалека встречает меня: он знает, что я еду к нему, и духовно он уже со мной. Когда я уезжал от отца Сав-

вы, то испытывал такое же чувство: что он провожает меня своей молитвой, что увеличивается расстояние между нами, но он остается таким же близким, как тогда, когда я находился в его келье.

Молитвы такой силы, которой обладал отец Савва, я не встречал ни у кого. Он был всегда радостен, как будто он только что получил какую-то дорогую для него весть и хочет поделиться ею со всеми нами, но особенно преображался во время храмовой молитвы. Я помню его взгляд: лучистый, ясный и глубокий, как будто проникающий до глубины души. Эти глаза были чистыми, как кристаллы, через которые сияет вечность.

И какой страшный парадокс: до того как я стал духовным чадом отца Саввы, у меня по временам возникала какая-то непонятная ненависть к нему, как будто его присутствие и молитва колыхали темное дно моей души, и появлялось похожее на беснование желание оскорбить и унижить его. Однажды со мной произошел такой случай. У меня обнаружили признаки болезни, которую возможно было излечить хирургическим путем, но я не хотел обнажать свое тело и не обращался к врачу. И вот во время очередного приступа болезни и тяжелого искушения против схиигумена Саввы я сказал с какой-то злобой, как говорят скверную шутку, чтобы посмеяться над человеком, – сказал в своем сердце: «Если ты святой, то исцели меня», веря, что он не исцелит. И вдруг случилось то, чего я не ожидал. В ответ на мои похожие на ко-

щунство слова я, к своему изумлению, получил исцеление. Эта болезнь больше никогда не повторялась.

Как глубоко падение человеческой души! Только в редкие мгновения понимаешь, какой ад скрыт в глубинах сердца. И лишь Кровь Христа могла искупить и оживотворить эту бездну греха – человека.

Отец Савва не раз повторял слова преподобного Пимена Великого: «Чтобы иметь мир в душе, находишься в своем чине»³. Церковь, семья, служба – всё это структуры, где человек должен найти себя и определить свое место. Отец Савва не одобрял тех игуменов и игумений, которые из-за ложного смирения боятся проявить свою власть: от этого происходят нестроения в монастырской жизни. Он также считал, что духовному отцу не должно под предлогом милосердия «распускать» своих чад и самому становиться послушником у них. Он приводил слова преподобного Иоанна Лествичника о том, что монах, умирая, будет проклинать своего излишне снисходительного духовника⁴.

Однажды я сказал отцу Савве, что не имею духовных чад, и думал, что он одобрит это. Но он строго сказал мне, что я, отказывая людям в совете и общении, от этого преподобным

³ Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Пимене, 71,167. – М., 2004. С. 646, 667.

⁴ *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица, возводящая на небо.* Слово особое к пастырю, научающее, каков должен быть наставник словесных овец. 14, 4 – М., 2001. С. 500.

Антонием не стану и что это порождение не смирения, а лести, что я горжусь тем, чего священник должен стыдиться. Но тут же добавил, что надо уметь руководить духовными чадами и, скрывая любовь, проявлять к ним разумную строгость. Он сказал, что для решения духовных вопросов достаточно несколько минут и нельзя позволять людям распорядиться твоим временем, что для правильного руководства надо встречаться с человеком редко и на короткое время, объясняя ему это, например, так: «У меня есть для тебя пять минут, уложись в это время, ты не один»; или же можно сказать человеку, чтобы он написал исповедь или вопросы на бумаге – не более одной страницы. Исключение отец Савва делал для тех, кто приезжал издалека. Очень часто он, не отвечая на вопросы, говорил: «Я помолюсь о тебе». И, как правило, человек получал ответ, иногда совершенно неожиданный.

Можно сказать, что отец Савва общался с людьми через молитву, беседа была только подспорьем. Он говорил о том, что встреча с духовным отцом должна быть для человека событием, а не обыденностью; что ни одно слово духовного отца, даже сказанное в шутку, нельзя пропускать без внимания. Он говорил, что некоторые духовные чада за три минуты пребывания с ним получают больше, чем другие за неделю.

Я как-то спросил у него: «Какая страсть самая опасная и какой грех самый губительный?» Он ответил: «Трусость

и боязливость. Такой человек живет всегда двойственной, ложной жизнью, он не может довести доброго дела до конца, всегда хитрит и как бы лавирует между людьми. У боязливого кривая душа; если он не поборет в себе эту страсть, то неожиданно для себя под действием страха может стать отступником и предателем». Когда я спросил: «А как преодолеть эту страсть?», он ответил: «Преодолевай ее в малом, не надейся на людей, в том числе на себя, а уповай на Бога. Страх перед Богом уничтожает другой страх». Затем сказал: «Молись Божией Матери. Она – наша Взыбранная Воевода».

Один иеромонах, желая исповедаться у отца Саввы, написал на листе бумаги грехи, которые он вспомнил; среди них были и тяжелые. Старец взял лист и карандаш и стал читать. Выражением лица он напоминал врача, который внимательно и напряженно слушает больного, чтобы определить его болезнь. Он читал медленно и сосредоточенно, словно взвешивая каждый грех на ладони своей руки. Через исповедь он будто стремился увидеть душу человека, его духовный путь и сокровенную внутреннюю жизнь и определить причины совершенных грехов. Вдруг он встал и резким движением карандаша подчеркнул одну фразу, а затем вернул лист иеромонаху: тот написал, как он из-за боязни перед человеком покривил своей совестью. Отец Савва сказал: «Обрати на это внимание, трусость – один из самых тяжелых грехов; она является причиной многих других грехов и падений, ведь во время гонений люди из-за трусости отрекались

от Христа. В Апокалипсисе написано, что боязливые не спасутся и не войдут в Небесный Иерусалим (см. Откр. 21, 8). Старайся искоренить этот грех из своего сердца». Затем он добавил: «Оставь этот лист, я сожгу его». Иеромонах возвращался от отца Саввы с радостным чувством и ощущением, что грехи его сгорели в невидимом пламени.

Отец Савва сострадал каждому человеку, но к своим чадам был строг и часто скрывал это сострадание под внешней суровостью. Чем больше он любил человека, тем более требовательно обращался с ним: слово его звучало властно. И, напротив, к слабым духом он проявлял снисходительность и даже уступчивость, как к ребенку или больному. Отец Савва говорил, что каждый металл имеет свою меру прочности. Когда он давал благословение на какое-нибудь дело, то не терпел возражений и споров. Если же он видел, что человек немощен душой и изнемогает, то сам снимал с него послушание или облегчал его; а если считал, что тот может исполнить требуемое, но колеблется, то не слушал его объяснений, не повторял своих слов, но резко обрывал его и гнал от себя.

Фарисейское смиреннословие и ложь отец Савва считал худшим видом гордости. Если человек приходил к нему с искренним покаянием, то он никогда не упрекал его, как врач не упрекает больного за гнойные язвы и раны, а старается сделать всё, чтобы исцелить болезнь. Старец словно сжигал грехи своих духовных чад огнем своей молитвы. Но если он видел в человеке лицемерие и хитрость, то гневался на него,

резал словом, как ножом, и мог в буквальном смысле выгнать такого человека в шею из своей кельи. Грех фарисейства он считал одним из самых трудноисцеляемых грехов. Поэтому его видимая резкость была как бы последним средством разбудить совесть человека.

Старец строго обращался с гордыми и непослушными. Одного тщеславного и самоуверенного человека, который пришел к нему в келью, он заставил стоять у порога, сказав, что келью только что убрали, а он своими ногами запачкает пол. Другому он сказал: «Ты пришел не спрашивать, а искушать меня, чтобы потом рассуждать, в ком больше правды: во мне или в твоём старце, которого ты также искушал вопросами, а теперь решил бросить». Некоторым отец Савва говорил так: «Ты был в зоопарке? Если ты подойдешь с пищей к зверям, то они будут внимательно смотреть за каждым твоим движением. Брошенная тобой пища не успеет упасть на землю, как они схватят ее на лету. Так ты должен хватать на лету каждое слово старца и запоминать его».

Схиигумен Савва терпеть не мог многословия. Он учил своих чад говорить как можно более кратко. Некоторым он давал правило произносить в день не более определенного количества слов. Старец стремился сохранить от рассеяния внутреннюю молитву, поэтому он предпочитал, чтобы духовные чада записывали свою исповедь – не более одной или двух страниц. Они должны были предварительно обдумать ее, выбрать самое главное и отбросить второстепенное. Отец

Савва говорил, что, исповедуясь духовному отцу, не должно объяснять или рассказывать обстоятельства, пускаться в глубокий самоанализ и в тонкий просмотр своих помыслов — надо указать на грехи, которые ты совершил, а не писать автобиографию. Когда к отцу Савве подходили за разрешением того или иного вопроса, он также пресекал многословие: просил кратко и ясно изложить, в чем дело, и ждать ответа от духовного отца. Чем меньше слов, тем понятнее дело, тем более правильный ответ может дать духовник. Схи-игумен Савва считал, что человек, который долго объясняет старцу свою проблему, хочет убедить его согласиться с решением, которое он сам уже принял, и как бы принуждает его благословить то, чего желает сам. Здесь происходит некая внутренняя борьба между вопрошающим и отвечающим: под видом дополнительных объяснений такой человек представляет новые аргументы в пользу своего решения и внутренне давит на волю старца. Получается обман или самообман. Основа благословения как доверие к старцу здесь отсутствует, и поэтому воля Божия не может проявиться через старца. В таких случаях отец Савва обычно прерывал беседу. Он рассказывал: «Одна женщина, подойдя ко мне, хотела попросить благословения на какое-то дело и стала говорить не умолкая. Я сказал ей, что понял. Но она, не обращая внимания на окружающих, не отставала от меня, продолжая говорить. Тогда я взял ее за шиворот и вытолкал из кельи. Это почему-то показалось ей обидным. Бывает и так. При-

ходит ко мне человек и говорит: «Помолитесь обо мне». Я киваю головой; он отойдет на несколько шагов, возвращается и опять говорит: «Помолитесь обо мне», и так несколько раз. Может быть, я и помолюсь за него, но ему отвечаю: «Научись молиться за себя сам»».

Некоторым отец Савва говорил: «Закрой рот и отвечай только на те вопросы, которые я задам тебе». Многословие с духовным отцом он считал распущенностью. «Духовный отец для спасения, а не для дружбы, – говорил он. – А ты разговариваешь со мной, как с соседкой, которую встретил на улице». Если житейские вопросы не были связаны с духовными, то отец Савва нередко вовсе отказывался отвечать на них. Он приводил в пример слова Спасителя, Который отказался делить имение братьев, сказав, что не за этим пришел сюда (см. Лк. 12, 13–34).

И среди народа отец Савва мог сохранять внутреннее безмолвие. Рядом с ним мне вспоминались слова преподобного Феодора: «Или удаляйся от людей, или будь для них, как меч»⁵.

Центром духовной жизни схиигумен Савва считал причащение. Он убеждал своих чад причащаться как можно чаще. Старец делал выписки из творений праведного Иоанна Кронштадтского и других отцов о пользе частого причащения. Он говорил, что диавол всеми силами старается отвести

⁵ Древний патерик, изложенный по главам. Гл. 8. О том, что ничего не должно делать напоказ. – М., 1891. (Репр. изд.: М., 1997). – С. 134.

человека от причастия. Темная сила борет человека с правой и с левой стороны: с левой – явными грехами: нерадением, ленью, осквернением души, фантазиями и помыслами, отвращением к храмовой службе, раздражительностью, злопамятством, стыдом исповедовать грехи перед священником, нечистыми сновидениями перед причастием и так далее. Враг подходит к человеку и с правой стороны – через ложное понимание благоговения перед святыней. Он внушает не только мирянам, но и священникам и даже архиереям, что частое причастие – это злоупотребление таинствами, признак духовной гордости; что от частого причастия Тело и Кровь Христовы могут стать привычными, как простая телесная пища; что часто причащающийся человек не может достойно подготовиться к этому величайшему из таинств. Такие люди смотрят подозрительно на тех, кто причащается часто, и считают частое причастие каким-то новшеством в Церкви. Отец Савва говорил, что лишить человека причастия так же жестоко, как лишить грудного ребенка молока матери. Опыт показывает, что люди, причащающиеся часто, ведут жизнь в духовном плане более достойную, чем те, кто под предлогом благоговения лишает себя святыни. На самом деле это не смирение, а диавольский обман. В причастии человек черпает силы для борьбы с грехом, а ему говорят: «Не причащайся часто». Откуда же он возьмет эти силы? Когда указывают на то, что в древности причащались часто, эти люди обычно отвечают: «Тогда был другой духов-

ный уровень». Но разве духовный уровень не зависел от частого причащения? Отец Савва редко отлучал грешников от причастия. Он говорил: «Исповедуйся, смири себя в своем сердце как самого недостойного и спеши к Святой Чаше».

Отец Савва очень любил Псалтирь. Он считал, что чтение Псалтири необходимо для Иисусовой молитвы, что псалмы и Иисусова молитва – живая вода из одного источника: Псалтирь поддерживает Иисусову молитву, как стены храма – его кровлю. В древности были монастыри, которые назывались «неусыпающими». Монахи этих обителей в двадцать четыре чреды день и ночь читали Псалтирь. Отец Савва благословлял своим духовным чадам распределять между собой псалмы Давида и читать их в определенное время суток, так, чтобы чтение Псалтири в его духовной семье никогда не прекращалось. Старец считал необходимым и ежедневное чтение Нового Завета. Он советовал своим чадам, если это возможно, уделять час времени для чтения Евангелия и апостольских посланий.

Схиигумен Савва написал много книг о внутренней, духовной жизни. Тогда опубликовать их было невозможно: они перепечатывались на пишущей машинке или переписывались от руки. Язык этих книг очень прост и ясен; в них найдут духовные советы люди различного интеллектуального уровня, от малого ребенка до богослова. Когда их читаешь, то кажется, что отец разговаривает со своими детьми.

Схиигумен Савва любил Грузию. Своих чад он благословлял на паломничество по святым местам Грузии и говорил, что хотя теперь путь в Палестину закрыт, но у нас есть вторая Палестина – Грузия. Несколько раз я встречал отца Савву в Сухуми. Невозможно забыть тот день, когда он служил литургию в Сухумском кафедральном соборе. По каким-то причинам я опоздал. Еще не войдя в храм, я почувствовал что-то особенное, как будто какие-то волны, струившиеся оттуда, объяли меня. Я ощущал их явственно, почти физически. Это не было ни настроем души, ни самовнушением – я едва помнил, что в этот день служит отец Савва, – а чем-то необычайным и глубоким. Я помню, что сел на скамейку у стены храма, не понимая, что со мной происходит. Я ощущал какое-то неземное спокойствие, и, странно, ощущал это не только душой, но и телом. Так продолжалось минут десять или пятнадцать. Затем я осознал, как будто только что услышал, что в храме идет служба, и прошел в алтарь. Это чувство какой-то невесомости усилилось еще больше. Что я переживал, трудно передать словами. Как будто сила извне вливалась в каждую клетку моего тела, обновляя и очищая ее. Я чувствовал в душе своей какую-то особую теплоту, однако теплоту без всякого жара. Она одновременно и согревала, и прохлаждала душу. У меня было ощущение, что какие-то язвы и раны заживали в душе и старые струпья спадали с нее. Я чувствовал ту чистую радость, которую испытывал в детстве, но более глубокую.

Отец Савва стоял перед престолом. Лицо его было преображено светом; этот свет казался живым, он то разгорался, всё больше озаряя его, то затухал, как будто уходя внутрь. В это время я понял, что значит красота благодати и образ Божий, таинственно живущий в человеке. Святые отцы говорят, что Христа можно познать только в Духе Святом. Но человек в состоянии глубокой молитвы, когда душа его соединена с благодатью, с этим невещественным светом, становится похожим на Христа.

То, что я испытал и видел во время этой службы, казалось мне откровением тайны, как будто мне был показан (насколько я был в силах воспринять) отблеск славы святых в Небесном Царстве, или, образно говоря, я увидел луч того идущего от вечности света, который соединяет небо с землей. Что я еще чувствовал в это время? – Что мне больше ничего не надо, что здесь то, чего жаждет человеческая душа и чего она не может найти больше нигде в этом мире.

Апостолы на Фаворе сказали Господу: *Хорошо нам здесь* (Мф. 17, 4; Мк. 9, 5; Лк. 9, 33). Они хотели всегда пребывать в состоянии боговидения, но его надо было заслужить через труды и страдания, поэтому свет фаворский, озарявший их, погас.

Если бы мое общение с отцом Саввой ограничилось только одной этой службой, я и тогда был бы благодарен ему на всю жизнь. Он стал для меня тем духовным руководителем, которого в древности называли «авва», и более дорогим и

близким человеком, чем мать и отец, — отцом, который помогает душе человеческой родиться не для этого, а для вечного мира, и во внутренних муках берет тяготы и страдания своих чад на себя.

Отец Савва, приезжая в Сухуми, почти всегда бывал на источнике мученика Василиска и в пещере главы Иоанна Крестителя в Команских горах. Дорога в Команы проходила мимо кладбища. Однажды отец Савва посетил Преображенский кладбищенский храм и решил остаться здесь на ночь. Об этом стало известно, собралось много народа. После беседы с людьми отец Савва отслужил молебен. Он служил с каким-то необычайным дерзновением, обращаясь ко Господу так, словно видел Его перед собой. Казалось, время исчезло. Молитва старца будто оторвала людей от земли, они испытывали нечто необычайное, что невозможно описать. Они чувствовали, что Христос близ них, что Он знает их нужды и как по просьбе Своих учеников Он помиловал хананеянку (см. Мф. 15, 21–28), так по молитвам схиигумена Саввы готов исполнить их заветные желания. Эта вера переходила в какую-то уверенность, и будущее становилось очевидно.

Отец Савва остался ночевать в доме у храма. Вечером он сказал, что хочет погулять по кладбищу. Я спросил его, благословляет ли он людей, которые остались ночевать в храме, пойти с ним или же возьмет только меня одного. В ответ отец

Савва улыбнулся и сказал: «Господь посылал Своих учеников по двое». Мы пошли по дороге среди могил. Наверно, отец Савва молился за тех, кто почивал здесь. Он говорил со мной мало и как бы в притчах, которые затем раскрылись в моей жизни; он предсказал мне, что я буду его духовным чадом. На другое утро он уехал в кафедральный собор, где должен был служить с архиереем.

Бывая в Сухуми, отец Савва иногда останавливался в местечке, называемом Новый Афон, где находился монастырь, построенный афонскими монахами⁶. Обитель была закрыта в 20-х годах. Здесь на каждом шагу видны следы варварского разрушения: оливковые рощи, которые уже не дают плодов, пруд, который никто не чистит, монашеские корпуса, где теперь останавливаются туристы, храм с выбитыми стенами и протекающей кровлей. Другой, более древний, монастырь в окрестностях Сухуми, называемый Драндский⁷, превращен в тюрьму, а из алтаря храма в насмешку сделали туалет. И это называется прогрессом.

Помню, как однажды, узнав, что отец Савва находится в Новом Афоне, после службы поехал искать его. Я долго не мог найти домик, где он остановился. Пошел сильный дождь, но я не хотел возвращаться и продолжал свой путь почти на-

⁶ Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь был основан в 1875 году.

⁷ Здание Драндского Успенского собора, на развалинах которого в 1883 году был основан Драндский Успенский монастырь, относится к VI–VII векам.

угад. Наконец дождь прошел. У моря быстро меняется погода, на улицах снова появились люди, и мне указали двор, где видели отца Савву. Он встретил меня так, как будто ждал. На мне была мокрая одежда, по которой еще стекала вода. Он, улыбаясь, сказал: «Ты, наверное, пришел исповедоваться? Но дождь уже смыл твои грехи, поэтому мне почти ничего не остается делать». Этими словами он указал мне: я правильно сделал, что не вернулся, а продолжал свой путь.

Новофонский монастырь святого апостола Симона Кананита. Внутренний двор

Странное дело: там, где появлялся отец Савва, сразу же собирався народ; при этом приходили люди совершенно не знакомые, которые даже не ходили в храм. Чего они искали у отца Саввы, они, наверное, не знали сами; они только чувствовали, что какая-то сила влечет их к нему.

Отец Савва всю жизнь подвергался гонениям. Можно ли сказать, что он покорялся своим обидчикам и принимал это бесстрастно? – Нет. Он духовно боролся, только не с ними, а за них. У него был особый помянник, куда он записывал имя каждого человека, от которого исходила эта дьявольская неприязнь. В начале проскомидии или у себя в келье на молитве он читал этот помянник, а потом уже молился о близких себе людях. Он также давал своим чадам листы, где были написаны имена его недоброжелателей, и говорил, что это его лучшие благодетели и духовные друзья. Однажды такой список он дал мне.

Я по своей неопытности подумал: наверное, это те люди, которые сделали какие-нибудь жертвования для монастыря. А потом случайно узнал об этой его духовной милости от одной хорошо знавшей его монахини.

Кто-то из духовных чад схиигумена Саввы сказал: «У отца Саввы нет биографии, у него есть житие». Подвиг жизни отца Саввы вызывает чувство удивления, но повторить его, как мне кажется, почти невозможно. Для этого нужна

особая благодать, граничащая с даром чудотворения. Если бы кто-нибудь захотел подражать духовному наставничеству отца Саввы, то он мог бы очутиться в положении врача, который без необходимой подготовки и знаний берется производить самые сложные операции и в результате только калечит своих пациентов.

Для наших современников подвиг отца Саввы имеет еще одно значение. Он воочию показывает нам, что даже в наше растленное и бездуховное время, когда мир стонет под властью демонических сил, а в самом христианстве преобладает мертвящий дух теплохладности, возможно стяжать благодать, подобную благодати древних подвижников: были бы только горячая решимость и твердое произволение.

Господь не покинул нас, Он с нами как в прежние времена, так и теперь. Об этом свидетельствует вся жизнь схиигумена Саввы, так же как подвиги и чудеса мучеников свидетельствовали перед языческим миром о силе и истине христианства.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Воспоминания духовных чад старца и свидетельства его молитвенной помощи

К отцу меня впервые подвела в Троице-Сергиевой лавре монахиня Киево-Покровского женского монастыря – мать София. У меня не было еще тогда духовного отца, и когда я читала утреннее правило, где есть молитва за духовного отца, то молилась так: «Господи, пошли мне духовного отца! Спаси, Господи, всех батюшек!»

Так семь лет просила, но не всматривалась в священников и не выбирала, для меня они все были одинаковыми. Мать София подвела меня к отцу и обратилась с просьбой:

– У Мариички нет духовного отца. Отец Савва, возьмите ее в свои чада.

– Хорошо! А ты молишься Казанской Божией Матери? – спрашивает меня отец.

– Молюсь, как умею.

– Ну, вот тебе иконочка Почаевской Матери Божией.

Это было первое благословение отца – и благословение не случайное. Вскоре мне пришлось поехать в Почаев (там были и другие его чада) и долго жить там. Наш отец приезжал к нам каждый год. При первом посещении он поручил нас для духовного руководства двум старцам, сродным ему по

духу: иеросхимонаху Николаю и старенькому монаху-страннику Конону, который из-за своего юродства был гоним монахами, жил летом и зимой в холодном сарае. Каждый день мы находились на послушании у отца Конона, который с нами трудился в храме, а за благословением и на исповедь ходили в скит к отцу Николаю. Трудились и в лавре, и в скиту. Часто приходилось ночевать в поле, и в сараях, и в лесу, и не простужались мы, не болели и никогда не были голодны, по молитвам нашего отца.

Когда батюшка приезжал в Почаев, это для нас был большой праздник. Он укреплял нас духовно, учил, как вести себя в мужском монастыре, чтобы не наводить монахов на греховные помыслы. Мы спросили отца:

– Некоторые батюшки дают нам ключи от своих келий и просят у них убрать. Можно ли нам это делать?

– Скажите им: «Наш отец духовный категорически запретил это делать». Вы уберете, а монах, придя в келью, вместо Иисусовой молитвы будет думать, кто убирал.

Прожили мы в Почаеве три года, а потом отец Николай посылает двоих из нас к нашему отцу, чтобы он благословил нас в монастырь. Дорогой мы договорились, что не скажем отцу о монастыре; мы боялись, что не вынесем монастырской жизни: какое там нужно иметь терпение, послушание, воздержание!

Приезжаем к отцу (он был тогда уже в Печерском монастыре). Он радостно встретил нас и в первую очередь спро-

сил:

– Что велел мне передать отец Николай?

– Велел кланяться, – ответили мы.

– А еще что?

– Больше ничего.

Вскоре отца благословили поехать в Москву по монастырским делам, а нам он сказал:

– Я поеду, а вы меня здесь подождите.

Вечером приносит ему послушник Василий 200 рублей и просит, чтобы он взял от него эти деньги для нас:

– Я их давно знаю по Почаеву, раньше они мне и всей братии белье стирали. Они странницы, им нужны деньги, а мне они не нужны, я на всем готовом. От меня они не возьмут, а вы, ради Бога, передайте им.

Утром отец говорит нам:

– Божий Промысл! Надо вас взять с собой. Вам денег дали на дорогу, – и всё рассказал нам об этих деньгах.

Едем в поезде, подъезжаем к станции Дно. Отец опять намекает нам:

– Здесь пересадка в Овручский монастырь. А может быть, отец Николай все-таки велел мне что-то передать?

Мы толкнули друг друга локтем и опять не признались.

С Божией помощью приехали мы к преподобному Сергию. У его мощей отец в третий раз попытался склонить нас к признанию. Держит красивые белые шелковые четки и говорит:

– Вот! Это чтобы у вас были такие же белые и красивые души, – и благословил нас эти четки.

Вечером в Павловом Посаде, где собралось человек тридцать его духовных чад, на квартире у одной из них отец утешал нас духовной беседой всю ночь. А потом благословил нас все-таки в монастырь. Мы упали ему в ноги и со слезами просили прощения: три раза не признались в том, что отец Николай нас за этим к нему и послал...

...Летом, в Петров пост, получила известие о болезни отца. Не рассуждая, без благословения на выезд в тот же день поехала в Печоры и всю дорогу плакала.

Отец лежал в больнице, куда я не смела идти. В томительном ожидании тянулись дни. И вот по выходе из больницы он строго сказал:

– Зачем приехала? Нам нужна молитва, а не свидание! А схиму приготовь. Как откроется ваш монастырь, в монастырь пойдешь. Если будешь в опасности, читай молитву: «Взбранной Воеводе» и «звони» мне. Но больше не приезжай, даже по смерти.

С горькими слезами возвращалась я в Почаев. Там мне было очень трудно. Ночевать никто не пускал. В храме оставляли ночевать только под большие праздники. Но я всегда помнила батюшкины слова: «Я буду молиться, а тебе какая мысль придет, ты ее и исполняй». И я, с Божией помощью, так и делала и, по его святым молитвам, чудом избегала опасностей. Всегда я чувствовала его благодатную помощь и его

духовное присутствие.

Всё, о чем бы ни говорил отец, намеками или прямо, потом исполнялось. «И к чему мне отец говорил о схиме? – думалось мне. – Я ведь молодая, кто мне сейчас ее предложит, а он велел готовить схиму». Но вот начали сбываться его слова.

Однажды ношу торф в церковный сарай, а один батюшка трижды называет меня схимницей. Я возразила, что недостойна этого. А он опять твердо сказал: «Будешь схимницей!»

Записали меня в Почаевской лавре на вечное поминование: «схимонахиня», а я стала просить зачеркнуть «схимонахиня» и написать «монахиня». Монах, который записывал, молчит и не исправляет. Тогда я прошу схимигумена Авраамия:

– Стыдно мне перед монашками, что меня схимницей поминают, какая я схимонахиня?

А он ответил:

– Не твое дело, их Господь заставил так написать.

Однажды он же благословляет всем матушкам четки.

– А тебе, – говорит, – вот эти – схимнические!

И я познала волю Божию и убедилась в правдивости предсказания отца: на третий день Крещения Господня (1964), Божиим Промыслом, облекли меня в схиму с новым именем. Отец благословил меня приехать к нему; он отменил мне большое монашеское правило и дал другое. Потом бла-

гословил меня на послушание к одному старцу-схимнику на Новый Афон.

У одной из чад муж сильно пил. Отец сразу сказал:

— Возьми с ним развод.

Перепугалась она и спрашивает:

— А если он будет просить прощения, что тогда? Да и прожито с ним много лет.

Он повторяет:

— Надо брать развод, а я буду молиться.

Приезжает она домой и делает так, как благословил отец. Лишь только она заявила мужу о разводе и собралась всё оформлять, его это так поразило, что от переживаний он попал в больницу, перестал пить и стал потом вести себя так, как будто никогда и не был пьяницей, так что и развода им не пришлось брать.

Одна матушка мне сказала, что сила молитвы останавливает поезда. Я не поверила. Прошло три года после этой беседы, и вот она советует мне, чтобы я поехала к отцу Савве и попросилась к нему в духовные чада. Попутчика она мне дала, нашего церковного старосту; он болел астмой, ему трудно было дышать. А матушка и ему посоветовала поехать к отцу Савве и твердо его заверила, что отец Савва исцелит его. Он поверил ей, и мы поехали.

Отец тогда служил в приходской церкви села Палицы

Псковской области, от поезда надо было идти полтора или два километра пешком. Мы шли обыкновенным шагом, но мой попутчик говорит:

– Вы быстро идете, я не могу так идти.

– Простите, я не знаю состояния вашего здоровья. Буду идти самым тихим шагом, – отвечала я. И мы потихоньку пошли дальше.

Отец взял нас в число своих духовных чад. После праздника Рождества Христова батюшка благословил нас поехать в Печоры, в обитель. В день отъезда, после вечерней службы, нам надо было спешить к поезду, но батюшка долго говорил слово «О Трех Радостях», и мы думали, что не поедем сегодня, так как опаздывали на поезд. Подходим к нему, берем благословение, а он, улыбаясь, весело говорит:

– Опаздываете, но я благословляю вас ехать.

Уже было темно, когда мы вышли. Мой спутник говорит:

– Я даже боюсь: темно, а надо идти через лесок.

– Бог с нами, и мы ведь идем по благословению.

Вдруг подходит к нам духовная дочь нашего отца и говорит:

– Я тоже поеду с вами в Печоры.

Итак, мы втроем пошли к поезду. Мы вышли на ровную, прямую дорогу и далеко-далеко впереди были видны горящие фары паровоза.

– Это наш поезд, но нам уже не успеть, – говорит наша попутчица.

Как только она сказала это, мой спутник, ничего не говоря, вдруг как побежит, и я за ним. Так мы бежали без остановки, причем в зимней одежде и с чемоданами, не меньше полутора километров.

Проводница подала нам руку, и мы вошли в вагон. Сейчас же поезд тронулся в путь. Потом я пришла в себя и говорю старосте:

– Разденьтесь, вы устали.

– Нет, не устал. Мне кажется, я и не бежал, – ответил он.

Я думаю: «Боже мой, он сейчас умрет, ведь он же не мог даже быстрым шагом идти». Но он спокойно сидит и нормально дышит.

– Если вы скажете моей жене, что я бежал, она никогда не поверит. Я и сам себе не верю! Матушка Г. правду сказала, что отец Савва меня исцелит. Приеду домой – всё переделаю, перестрою свою жизнь, ведь мы совсем не так живем, как положено жить христианину, – говорил мой спутник.

Вот как оживил, исцелил и переродил нас отец!

Как-то во время исповеди отец попросил всех встать на колени и сам тоже встал на колени против алтаря, где придел преподобных Антония и Феодосия. Подняв руки ко святому алтарю, он громко, трогательно, дерзновенно возгласил три раза:

– Господи Боже, Отче Вседержителю, освяти Духом Твоим Святым сей кающийся народ!

И я ясно увидела, как Дух Святой снизошел на отца и почил над ним в виде голубя, весь золотой, и лучи золотые, такие большие, густые, что покрыли весь кающийся народ и проникли насквозь во все стены храма. И так это были низко, над самой головой отца, что я грешная смогла ясно рассмотреть Святого Духа (имеется ввиду голубь, в виде которого снизошел Святой Дух. – *Примеч. ред.*) – и носик, и крылышки распростертые, и ножки, к брюшку прижатые, – и всё было так красиво и долго, что невозможно передать словами эту красоту и радость!

Прошло несколько дней, отец вышел на амвон и беседовал с духовными чадами, а я стояла сзади. Он посмотрел на меня, улыбнулся и говорит весело:

– П. видела Святого Духа, как Он сходил на нее.

А о том, что на него сходил Святой Дух и на весь народ кающийся, он не сказал, умолчал.

Когда я была принята в духовные чада, то сильно сомневалась, как отец сможет мною руководить: «Писем он не пишет, и нет у него возможности поговорить, а я не могу часто к нему ездить». И вот Господь во сне вразумил меня. Я увидела духовного отца, и он сказал: «Для общения верующих расстояние не имеет значения, велика сила молитвы». И я всё поняла и успокоилась.

Однажды стояли мы в Успенском храме, несколько человек и отец. Подошла к нему схимница и говорит, что при-

слали черный материал, кому его отдать? А отец показал на одну из нас и говорит:

– Отдай его ей, я молился о ней, и у нее такой же путь, как и твой, только она сейчас еще ничего не понимает.

Действительно, прошло несколько лет, и она стала монахиней.

Благословил меня отец в отпуск ехать в Грузию. Вот подходит лето, и я спрашиваю о поездке, а он говорит:

– Я же тебя благословил в Сухуми, вот и поезжай.

Поехала я на вокзал за билетом, а мне сказали, что туда нет проезда из-за карантина. Подошла я опять к отцу, а он мне говорит:

– Ведь я же тебя благословил, что же, я сам, что ли, поеду? – и дал мне рубль. – Это тебе на дорогу и на все расходы.

А после этого уехал в отпуск. Я осталась в недоумении.

И вдруг появилось у меня такое ощущение, что надо мне ехать хоть до Москвы. Если не смогу уехать дальше, то там буду ездить по храмам, поеду в Загорск. И так проведу отпуск. И такое было у меня состояние, что я не могла больше находиться в Печорах, надо было во что бы то ни стало уезжать.

Приехала в Москву, встретилась с Л., которой тоже было благословение ехать вместе со мной в Сухуми. Мы решили, что я пока поеду в Звенигород, а она побудет дома. Побывала там два дня, возвращаюсь в Москву, а она мне с радостью сообщает: объявили по радио, что снят карантин и открыт

проезд на юг. Она уже купила билеты, и мы в числе первых пассажиров поехали в Сухуми.

У меня, конечно, были деньги, хотя и мало. Но я совершенно не знала ни в чем никакой нужды, мне даже сшили на день ангела три платья и билет обратный купили, и всё было как нельзя лучше.

В другой раз благословил отец меня и А., прибывшую из Москвы поехать во Псков, навестить больную в больнице. Договорились мы с А. поехать в три часа, и она купила билеты на автобус. Приходит ко мне на работу близкая женщина и говорит, что она звонила во Псков врачу и говорила с ним об этой больной и что нет никакой необходимости ехать в больницу. Тогда я не знала, что надо в точности выполнять благословение духовного отца, и решила не ехать. Кончила работу в три часа и пошла домой. Только захожу в квартиру, а Митрофания (духовная сестра) увидела меня и говорит:

– Ты что пришла? Ведь тебе благословение ехать к больной, какое тебе дело до других? – И прямо-таки вытолкала меня со словами: – Иди, выполняй благословение.

Иду и думаю: «Автобус уже ушел, придется на такси ехать». Подхожу к автобусной станции, смотрю и глазам не верю: подъезжает автобус «Печоры-Псков» и сидит А. у окна. Я вошла, а она говорит:

– Садись, это твое место, я ведь не успела сдать твой билет.

Потом я спрашиваю ее:

– Почему вы вовремя не уехали?

А она говорит, что они отъехали от станции, и вдруг что-то случилось, автобус «зафыркал» и зачем-то приехал обратно.

Съездили мы во Псков, навестили больную и возвратились домой. Я была рада, что выполнила благословение отца.

Вспомнилось мне, как я писала покаяние. Так старалась, чтобы всё написать. Подаю, а отец говорит:

– А ты ведь не всё написала.

С шести лет написала, и опять сказал, что не всё написано. И вот однажды он мне сам сказал:

– Вот теперь пиши, я буду молиться, а ты будешь вспоминать, вспоминать и много еще напишешь.

И вот когда я стала писать, то, по его молитвам, Господь открыл мне все мои грехи. Я так ясно всё вспомнила, как будто передо мной снова проходила вся моя жизнь. Мне даже были открыты все мои плохие детские помыслы. Когда я написала последнюю четвертую тетрадь и отдала отцу, то испытала ощущение безгрешия. Это нельзя описать, нет слов для этого. Действительно, покаяние – это второе крещение. Но всё это я смогла только по молитвам нашего отца. Какая в нем была великая Божия сила и благодать, как он очищал нас и помогал нам грешным!

Потом я стала впадать опять в разные грехи и уже не могла так изложить и покаяться. И однажды отец мне сказал:

– Даже не можешь хорошо исповедь написать.

Когда отец был в Сухуми, владыка Илия (впоследствии – патриарх Грузинский) предложил ему посетить святы места Грузии. Назначили день, когда они на машине поедут. С владыкой должна была поехать матушка из собора, которая знала все места, а на четвертое место в машине владыка предложил отцу Савве кого-нибудь благословить. И вот отец благословил меня, грешную и недостойную. Но за два дня до отъезда заболела матушка, которая была с нами, температура 40, и отец благословил меня остаться ухаживать за больной, а сами они уехали. Но я почему-то верила, что благословение отца не пропадет.

Прошло лет 15–20, как оно чудным образом исполнилось. Случилось это так. Из Печор приехали трое гостей в Москву, я их встретила на вокзале. Все они – духовные чада отца Саввы и ехали в Грузию. Я говорю:

– Как жаль дорогих гостей провожать. Думала, что заедете ко мне, но вы меня огорчили.

Они мне отвечают:

– Нам нежелательно под праздник быть в дороге, поэтому сейчас же едем за билетами.

Приехали мы на Курский вокзал, подошли к кассе, а билетов на сегодня нет. Вдруг ко мне обращаются все мои гости:

– Е. И., поедемте с нами.

Сердце забилося, а никакой возможности и надежды у меня нет, я на два дня-то с трудом уезжаю из-за больной сест-

ры, а тут на месяц, да и денег нет. Мои гости говорят:

– Давайте потянем жребий: если будет воля Божия, то, по молитвам отца, Господь во всём поможет.

Мы стали молиться от всего сердца, не замечая, что люди теснят и толкают нас. Жребий выпал ехать в Грузию. Мы еще раз подходим к кассе, и – о чудо! – нам дают билеты на следующий день, отдельное купе.

Утром пошла в храм за благословением Господним, а потом – всё остальное... Встречаю сестру во Христе, говорю ей:

– Где можно срочно занять денег?

Она спрашивает:

– Сколько? Я могу дать 50 рублей, когда сможешь, тогда и отдашь.

Еду к брату, и он тоже помог. Слава Тебе, Господи! За больной сестрой ухаживать согласились родные сестры...

Я приехала на несколько дней в Печоры. Привезла письмо одного благочестивого человека и его жены с просьбой принять их в духовные чада. Отец выходит из кельи и выносит четки и просфору и говорит:

– Я принял Иоанна и Татьяну в духовные чада.

Я постеснялась попросить еще одни четки и недоумевала – почему же одни четки и кому же их отдать? Приезжаю домой, а мне говорят – Иоанн умер 25-го ноября, то есть в то время, когда я была в Печорах. И стало понятно, почему одни четки и одну просфору дал отец.

С одной духовной сестрой перед поездкой к отцу попустились, помолились и натошак к нему поехали в надежде получить от него похвалу. Но между собою поссорились, не считая это за грех. Приехали к отцу, подошли под благословение, сначала Е. Он отвернулся и отошел от нее, подхожу я – то же самое. Через некоторое время отец подходит к нам, благословил, дал по просфорочке и сказал:

– Не молились, не постились, поссорились...

Приехала я однажды в Печоры, пришла к отцу, к его келье, а он ходит взад и вперед, смотрит на меня весело и говорит:

– До чего только не додумаются чада, передают мне пеленки, распашонки.

А я подумала: «Действительно, зачем отцу нужны пеленки и распашонки?» А вот когда случилось то, чего я не ожидала, вспомнились пророческие слова батюшки. Стали мне нужны пеленки и распашонки: у меня родилась внучка.

Когда отец лежал в больнице, я пришла к нему, а сама почему-то подумала: «Хорошо бы для батюшки сейчас свежей черники собрать». А на дворе уже зима. Отец прочитал мои мысли и говорит:

– Может, за черникой завтра в лес сходите?

А с ним вместе лежал в палате подполковник, который от души рассмеялся:

– На улице мороз, а он захотел свежей черники!

Отец улыбнулся и говорит ему:

– Может, стаканчик, может, два, а может – трехлитровый бидон привезет, – а потом мне: – Поезжай завтра, прихвати с собой повариху, и Е. захватите с собой.

Прихожу к поварихе, говорю:

– Завтра поедем в лес за черникой, отец благословил.

Она, конечно, тоже засмеялась, приняла это за шутку. Но когда я сказала, что поеду одна, она говорит:

– Тогда и я, конечно, поеду.

Пошли к Е.:

– Поедем завтра за черникой.

Она с удивлением:

– Да что вы – в уме? Снег, мороз, а они за черникой собрались.

Мы говорим:

– Как хочешь, тогда одни поедем.

– А куда?

– В Песьяне.

– На чем?

– На автобусе.

Она тогда и говорит сыну:

– Женечка, отвези нас на машине.

Тут и муж ее не выдержал:

– И я с вами поеду.

Утро было необыкновенное: яркое солнце, мороз. Приехали в лес; мне хотелось поехать туда, где я летом собирала

чернику, а они остановились поближе. Пошли все пять человек в лес. На этом месте набрали очень мало. А я говорю: – Отец благословил набрать трехлитровый бидон, благословение надо выполнять.

Поехали на мое место – и набрали трехлитровый бидон!

Отец заказал испечь пироги с черникой поварихе и Е. – на конкурс, у кого лучше. У поварихи получились пироги превосходные, а у Е. неудачные. Но отец утешил:

– Ничего, я и ее пироги поем!

Отец ел свежую чернику, угощал подполковника, нас, медсестру и больных деток, которые пострадали от пожара. Не было надежды, что они будут видеть. Но отец усиленно молился, утешал скорбящих родителей и предсказал им, что мальчик будет видеть обоими глазами, а девочка – одним глазиком. Что и сбылось.

Из нашего города несколько человек были в Печорах, и вот что они рассказали. Отец служил молебен. Вдруг он задумался и говорит:

– Ох, что там делается в городе! Но все будут живы.

В нашем городе был пожар, мы погорели, восемь человек, но все остались живы. Я пострадала больше всех: площадь ожога была 53 процента. По заключению врачей, я не должна была выжить, но, по святым молитвам отца, осталась жива и трудоспособна.

В больнице я пролежала шесть месяцев, через полгода

приехала к отцу. Когда мы пришли к его келье, батюшка вышел и говорит:

– Говорили, что ты сгорела, а ты жива и такая чистенькая.

Когда я лежала в больнице, то всё время мысленно обращалась к отцу, просила его святых молитв, и Господь давал мне терпение. Боли были ужасные, и медики удивлялись моему терпению.

Когда я поднялась на ноги, все с удивлением говорили:

– Поднялась наша больная, а ведь никакой надежды не было на то, что она останется жива.

Это чудо сотворил Господь по святым молитвам отца.

Осенью 1975 года мы с сестрой были у духовного отца. После обедни подошли к нему, чтобы он нас благословил на дорогу. Он всем нам дал по просфорочке. Многие просили, но он ответил:

– Я сперва дам тем, кто уезжает.

Пришла я на квартиру к матери О., она мне говорит:

– Не уезжай, будет всенощная, помажешь голову елеем.

Я так и сделала, осталась. Стою в Михайловском соборе, смотрю, идет отец, я вышла из собора, чтобы подойти к нему. А он мне говорит:

– Вы почему здесь, а где ваши сестры?

– Они уехали.

– А вы почему здесь? Я вас благословил в дорогу, а что скажут на работе, отпуск-то у вас кончился?

– Ну и наплевать, прогуляю, я теперь пенсию оформила.
Как он закричит на меня:

– Как это вы плюете, на кого? На государство, которое вам платит деньги! Сию же минуту берите вещи – и на вокзал!

Я – в слезы:

– Отченька, у меня голова болит, я еще побуду.

– Нет, нет, на вокзал!

– Мои вещи у матери О. Это три километра от монастыря, а в деревне заболел пастух, и ее попросили пасти коров.

– Ну хорошо, завтра чтобы уехала.

Я так и поступила. Выхожу на работу, а директор увидел меня и говорит:

– Слава Богу, М. вышла на работу!

Оказывается, некому было работать.

Однажды приезжаю к отцу, пошли после службы к его келье. Он выносит деревянный крест, дает его мне и говорит:

– Целуй этот крест по пять раз утром и вечером и читай «Взбранной Воеводе» и молитву о спасении. Молись за своего сына А.: «Спаси, Господи, сына моего А.».

Приезжаю домой и сразу всё стала выполнять, как обещал меня отец. Вскоре поехал сын по туристической путевке. Катаясь на лыжах, он заблудился. Вот как потом он мне рассказывал:

– Еду, и вдруг всё закружилось. Лес идет кругом, земля кругом, из глаз огненные искры.

Кругом лес и поля, и никакого селения нет, я уже выбился из сил. Стал замерзать, меня клонило ко сну. Потом увидел стог с сеном, привалился к нему и чувствую, что засыпаю. Думаю: «Нет, нельзя оставаться здесь, если засну, то замёрзну». Вижу у стога след от саней, значит, есть здесь где-то жильё. Еду по следу, увидел низкий барак, обрадовался и поехал туда. Там меня встретила приветливая хозяйка, рассказала мне, как добраться до дома отдыха.

Вот как отец всё знал! Господь и Матерь Божия по его святым молитвам спасли моего сына.

У нас с сыном духовный отец схиигумен Савва. Когда сыну надо было идти в армию, мы с ним приехали к отцу, чтобы получить благословение и попросить его святых молитв. Отец сказал:

– Служба будет тяжелая и ответственная, но ничего, будем молиться, а спасти тебя будет птица.

Получили благословение и поехали домой. Дорогой мне сын говорит:

– Мама, я очень жалею, что не переспросил отца: как это – меня будет спасать птица?

Сына отправили в опасное место, на границу. Потом он рассказывал:

– Вблизи – огромная пропасть, часто пропадали посты, и даже трупов не находили.

Когда он первый раз стоял на посту, сильно закричала со-

ва, и он тут же вспомнил слова отца:

– Будем молиться, а спасать тебя будет птица.

Сразу же повернул оружие в том направлении. И не один раз сова извещала, откуда грозит опасность. И таким образом его дежурство всегда проходило благополучно.

Раньше не спал весь караул, а тут стали говорить:

– Сегодня на посту Е. – можно вздремнуть.

По святым молитвам отца, сын благополучно отслужил в армии и вернулся домой.

Служил отец панихиду в пещерах. Я плакала о том, кто будет меня поминать, когда я умру, я – сирота. Отец оборачивается в мою сторону и говорит:

– Сирот поминает Церковь, вот и я молюсь за всех.

Об этом поведала мне наша духовная сестра Иулиания. Она после войны осталась вдовой, и на руках у нее было двое детей. К этой скорби еще сгорел дом. В то время отец был в Троице-Сергиевой лавре. И вот она со слезами пришла к нему, поведала о своем несчастье.

Отец внимательно выслушал и сказал:

– Я помогу тебе. – Вынул из кармана три рубля и говорит: – Вот тебе на постройку дома.

Взяла я их, а сама подумала: «Дорогой отец, это нищенское подаяние на хлеб насущный, а не на дом». Положила в карман и поехала к своим деткам.

Встречаются мне знакомые:

– Иулиания, мы слышали, у тебя горе, вот тебе немного на постройку, – и еще и еще дают денег и приговаривают: – Помоги тебе Господи!

Я сразу поняла, что благословение батюшки не прошло даром.

Узнав, что в Псково-Печерском монастыре подвизается старец, знакомая моей тети, А., решила поехать к нему и попроситься в духовные чада. Я просила ее взять и меня, но с другой целью – попутешествовать (мне было 19 лет). Мы приехали, А. нашла старца, попросила благословения на квартиру, причаститься и обо мне спросила. Он сказал:

– На квартиру – вместе, а причастится она пусть через неделю, на святителя Николая, ей семь дней нельзя. Пройдет время, и тогда причастится. (Ни он меня, ни я его ни разу не видели.)

На квартире окружающие меня духовные чада старца рассказали мне о духовной жизни, о необходимости духовного руководства, о духовном отце и о старческом устроении.

Конечно, мне, человеку, впервые попавшему в духовную среду, было многое непонятно. Дух мой сильно противился новому учению. Даже казалось, что это что-то неестественное, нереальное. Была сильная внутренняя брань: всё во мне восстало. Но в то же время где-то внутри неосознанно меня потянуло к этой жизни.

Как-то в Сухуми в кругу молодежи отцу был задан вопрос:
– Можно ли ходить в кино?

Что тут можно было ответить, когда на тебя устремлены молодые глаза, ждущие снисхождения? И умудрил его Господь поставить нас на суд своей совести и разума:

– Можно, – сказал батюшка. – Только это отдаляет от Бога.

После этого я ни разу не пошла в кино, хотя раньше кино очень любила.

По приезде домой возникли у меня сложные вопросы. Писать по почте было нельзя, ехать тоже. К другим духовникам обращаться за советом не положено, так как это считается духовным блудом. И вот эта неразрешимость и вызвала во мне бурю смятений, ропота.

И снится мне сон: пришел отец в мою комнату, сел за стол и меня пригласил сесть и говорит: «Ну, что тебя волнует? Что у тебя за вопросы?»

Еще был случай. Написала отцу вопросы и попросила его келейницу отнести ему. А вечером, после службы, пришлось увидеться с отцом, и он сам ответил на все вопросы. Когда я пришла домой, то увидела, что мое письмо еще не отнесли и оно лежит на столе...

Когда отец был в Сухуми на лечении, то мы сподобились быть там и часто с ним видеться. Однажды, когда мы сидели за праздничным столом, я передала отцу вино, которое сделал папа. Подняв бокал с этим вином, отец произнес:

– Пусть у этих виноделов всё увенчается успехом.

И через несколько месяцев мои родители повенчались, когда им было уже под 60 лет, а до этого и слышать о венчании не хотели – дескать, старые. И стали поститься, выполнять правило, чаще ходить в храм (хотя раньше ходили только на Рождество, Пасху и Троицу) и стали духовными чадами отца Саввы.

В Сухуми я ехала, намереваясь получить благословение батюшки на брак. У меня была неумеренная привязанность к избраннику (как говорится, не ела, не пила – так мне его всегда хотелось видеть). О своем намерении и состоянии я рассказала отцу. Он так ласково и печально посмотрел на меня и сказал:

– Деточка, если выйдешь замуж, пропадешь. А любви у тебя к нему совсем нет, одна лишь страсть.

Приехала домой я совсем другим человеком и совсем иными глазами уже смотрела на брак с этим человеком и на него самого. Какой-то пустой мне показалась наша дружба, и он сам вынужден был сказать:

– Я вижу, что я тебе не нужен.

Сколько благодарности вам, дорогой отец, что уберегли меня от ненужного, а может быть, даже пагубного шага. Всю тяготу и нечистоту отогнали от меня.

Вдруг появилось у меня неодолимое желание ехать к отцу, хотя причины срочно видеть его не было. Но, ведомая

невидимую силою, не отдавая себе отчета, для чего еду, приехала в лавру. Отец ждал меня: ему прислала одна монахиня письмо, прося разрешить серьезный вопрос. У отца не было благословения писать письма, и ответить ей никто не мог, кроме меня, потому что она была знакома только со мной. Отец дал мне указание, как ей написать, и я уехала.

Как-то в Великих Луках после службы отец раздавал всем гостинцы: кому просфору, кому яблоко, кому баранки, конфеты, а мне дал детское полотенце и святое масло. Я недоумевала: что бы это значило?

Приехала домой и вскоре заболела: страшная головная боль, фурункулы на голове и на лице. Опухла, глаз не видно, высокая температура, озноб. Я сразу поняла, чем мне надо лечиться: достала батюшкино полотенце и святое масло. Помазала голову, укутала этим полотенцем и обвязала сверху теплым платком.

Прошла первая мучительная ночь, глаза совсем заплыли, ресницы кололи глаза. К утру боль немного стихла. Я снова помазала маслом голову, укутала полотенцем и завязала теплым платком.

Утром приехала врач-инфекционист (моя родная сестра). Я закрылась одеялом и боюсь ей показываться.

Прошу ее:

– Не обижайся, что я тебе не покажусь. Успокойся и мне ничего не говори. Я буду лечиться своими средствами.

– Ну хорошо, но мне тебя все-таки надо посмотреть, – настаивала она.

Тогда я открыла одеяло и показала ей лицо и голову. Она сдержала свой испуг и объяснила мне: болезнь инфекционная и называется «опоясывающий лишай», длится она не менее четырех месяцев со страшными головными болями, при которых больной буквально лезет на стену. И предложила прислать сильное лекарство.

На другой день она опять была у меня. Мне пришлось объяснить ей, чем я лечусь и что от этого мне становится легче.

Через пять дней головные боли утихли. Моя сестра не верила такому скорому улучшению. Она знала как врач, что такая болезнь не вылечивается даже за месяц. Значит, произошло чудо!

Через месяц я совсем поправилась, но на лице долго были заметны темно-синие пятна и очень зябла голова. Так что я всё лето ходила в теплом платке. Так избавилась я от продолжительной тяжелой болезни по милости Божией, молитвами и целебными средствами дорогого отца.

Анну в тяжелом состоянии положили в больницу. Врачи определили рак легких. Ее дочь поехала в лавру сообщить об этом горе отцу и просить его святых молитв.

Отец служил молебен у мощей преподобного Сергия. А потом, утешая, сказал дочери больной:

– Не волнуйся, всё будет хорошо! Вот, вези ей эту просфо-

ру, чтобы всю съела.

На следующий день после вкушения просфоры больная стала неузнаваема: спокойная, веселая. У нее появился аппетит. Врачи были в недоумении. Они стали сомневаться в диагнозе и перевели больную в научно-исследовательский институт, где в результате тщательного обследования было дано заключение: «Рак не обнаружен». Анну выписали домой.

Чуть только окрепли силы, Анна поехала в лавру, чтобы поблагодарить Господа, преподобного Сергия и своего дорогого батюшку. При встрече отец сказал ей, улыбаясь:

– Ну вот и Анна явилась! Где же твой рак – уполз?

Приехали к отцу в Псково-Печерский монастырь его московские духовные чада с печальной вестью о тяжелой болезни своей духовной сестры Параскевы, отличавшейся особой добротой и милосердием. Врачи определили у нее раковую опухоль в кишечнике. По их мнению, дни ее были сочтены.

Отец отслужил молебен о болящей. Перед молебном он обратился ко всем молящимся с просьбой:

– Помолимся сейчас искренно о болящей Параскеве. Врачи признали у нее рак, а мы не дадим ему развиваться в ней, помолимся, и ей будет легче... Ей еще рано умирать, она еще здесь нам нужна!

Отец благословил отвезти ей святой воды с этого молебна и просфору.

Когда больная приняла эту святыню, то сразу почувство-

вала, что боли уменьшились. А потом ее вскоре выписали из больницы.

Вид на Успенский собор Псково-Печерского монастыря

В Псково-Печерский монастырь духовные чада старца привезли тяжело больного 60-летнего Тимофея. За литургией в Успенском храме батюшка особенно молился за болящего Тимофея, несколько раз поминал его имя. А больной был без сознания, потом началась у него рвота; его вынесли на улицу. К концу литургии он опять вошел в храм, но с ним опять стало плохо, и его положили в углу у печки. После литургии отец в ризе, с крестом сам пошел к больному, дал ему приложиться, а еще дал ему большое яблоко:

– Вот тебе для исцеления!

Еще два дня мучился Тимофей, не мог выстаивать служ-

бу, темная сила валила его с ног. Потом отец отслужил молебен и всех молящихся просил помолиться о болящем. Больному стало легче, и не прошло недели, как он совсем исцелился от недуга.

Обрадованный Тимофей с восхищением отзывался об отце:

– Я впервые в жизни встречаю такого чудотворца! Когда отец давал мне пить святой воды, то говорил: «Эта водичка тебя достанет со дна ада». И эта вода обожгла всю мою внутренность, а потом стало так легко, и я скоро почувствовал себя совершенно здоровым.

Заболел у меня передний зуб, всё лицо опухло, рот перекосило, лежу – не пью, не ем. Сказали отцу о моем состоянии. Он передал носовой платочек и гостинцы для меня и сказал:

– Пусть приложит этот платочек ко рту. Если не поможет, то пусть идет в больницу.

Я с радостью приложила этот платочек к лицу и подержала его немного. Мне стало полегче, а к вечеру всё стало на место. Опухоль спала, и боль стихла.

В монастыре на покое находился больной батюшка К., которому врачи предписали постоянный постельный режим. Больной обратился к отцу Савве:

– Помолитесь за меня.

Отец ему сказал:

– Читай Псалтирь.

А он отвечает:

– Я не могу.

Но отец Савва ему говорит:

– Не можешь, а ты читай!

– Да я же не могу.

– А ты читай.

Через несколько дней он сказал, что пересилил себя и стал читать Псалтирь. И выздоровел и после этого жил еще 10 лет.

У московского священника Георгия родилась дочь Мария. До пятилетнего возраста она не ходила и не разговаривала. Приехали они всей семьей к своему духовному отцу за помощью. Он взял эту девочку в келью, помолился и благословил их ехать домой. Когда они приехали на вокзал, Мария вдруг сошла с рук, пошла по платформе и заговорила. Счастливые, они поехали домой, благодаря отца за исцеление дочери.

Звонница Никольской церкви в Псково-Печорском монастыре

Вся моя жизнь была в скорбях и болезнях. Муж мой был алкоголиком и часто бил меня. В доме у нас была икона Божией Матери, но я перед ней не молилась. Так прожила до

33 лет, несколько раз была при смерти. Обращалась к врачам, но они мне не помогали. В то время у меня было трое маленьких детей.

Милость Божия не оставила меня. Я познакомилась с добрыми людьми и пошла в церковь, заказала молебен с акафистом Матери Божией, и мне сразу стало как-то легко. Потом познакомилась с П., стала ходить к ней, рассказывать о своем горе, она меня утешала и давала читать духовные книжечки.

И вот к П. приехала из Печор матушка Г. и рассказала про схиигумена Савву. Слушая, я так плакала душой, что люди ходят смело в храм и ездят по святым местам, а я как только схожу в церковь, то муж поднимает шум и бьет меня.

Однажды я отцу написала: «Дорогой отец, я слышала, что Почаев по святости – второй Иерусалим, помолитесь, чтобы мне побывать там. Ведь мне дорога закрыта: если и схожу в свою церковь, и то муж скандалит, а как же я уеду в Почаев?»

Через некоторое время я была одна в доме и слышу, что мне кто-то говорит: «Мужа посадят на пятнадцать суток, а ты поедешь в Почаев». И вот он поднял такой шум и драку (по своей привычке), что дети вызвали милицию, и его посадили на 15 суток, а я съездила в Почаев. И таким же образом, по молитвам отца, была в Загорске.

Были такие случаи, что мне очень хотелось в церковь в праздники, об этом я мысленно просила отца Савву. Удивительно: когда я шла в церковь и встречалась с мужем, то он проходил мимо меня, не узнавая.

Приезжает Г., привозит от отца две конфетки и говорит, чтобы я скушала светлую сама, а мужу дала темную конфетку. Я так и сделала. Вскоре после этого мы с мужем развелись, и я уехала в Печоры. А если бы не уехала, он меня бы убил, потому что он всегда говорил:

– Всё равно святую уничтожу, мне не жить – и тебе не жить.

И вот дети мне сообщили: собрался он ехать за мной, выпил поллитра вина и сразу умер.

Потом приезжает отец Савва из отпуска и рассказывает притчу:

– Вчера вижу: кот поймал голубя, я стал отнимать голубя у кота, а он когтями вцепился и не отпускает. Я нажал на кота... Не я, но Бог помог мне.

Я слушала и не понимала, думала, что правда кот голубя поймал вчера, а потом мне открылось, что это он про моего мужа и про меня рассказывал. По отцовым молитвам Господь сохранил меня от смерти. После смерти отца я прихожу в пещеры, рассказываю ему про свои скорби и болезни, и они удаляются. Легко и радостно становится на душе...

По семейным обстоятельствам мне не пришлось быть на погребении духовного отца. Но мне очень хотелось приложиться к его гробу. Я с нетерпением ждала своего отпуска. И вот когда настал день моего отъезда, с мужем сделался сердечный приступ, а свекровь уже семь лет лежала в постели

больная и вдобавок слепая. Что делать? Душа рвется на части, какая-то сила меня тянет в Печоры. Я вспомнила евангельские слова: «Не оглядывайся назад» – и действительно вышла из дома не оглядываясь, но в большой тревоге.

Когда приехала в Печоры, немного успокоилась. Но вот снится мне сон, что дома очень плохо, я вскочила с постели и стала собираться обратно, не побывав даже в обители. Мне представилось, что дома у меня сразу два покойника. Спрашиваю:

– Как можно быстрее уехать?

Мне говорят, что поезд идет вечером, самолета до вечера тоже не будет. Что делать? Пошла я в обитель, отстояла литургию, заказала молебен Божией Матери. У меня слезы лились рекой.

После службы пошла к пещерам – и что же я вижу! Выходит отец из пещер, остановился неподалеку, благословил меня и спросил прежде всего про свекровь (она тоже его духовное чадо).

Сказал:

– Причащайте ее чаще, она скоро придет ко мне, и мы будем с ней вместе молиться о вас. С мужем живи мирно, он у тебя неплохой, вина не пьет, не курит, а где нужно – потерпи, промолчи.

Дома меня встретили радостно, ничего не случилось, все живы, всё благополучно. А свекровь действительно вскоре мирно отошла ко Господу.

Однажды приехал ко мне муж, с которым я не жила уже несколько лет. Сказал, что вечером поедет в Таллин, но почему-то на поезд не пошел. Я совершенно не подозревала в этом никакого злого умысла. В четыре часа утра, слышу, он встал. Я думала, что он пойдет на поезд, а он тихо приблизился ко мне и всеми приемами старался убить меня, но так, чтобы не было никаких ран. Надежды на жизнь у меня не оставалось; хотя я усиленно молилась, но он не отступал. Из самых последних сил я громко закричала:

– Отец Савва, спаси меня!

И в ту же минуту муж весь ослаб и в страхе меня оставил, а в оправдание сказал:

– Я ничего плохого не хотел с тобой сделать.

Трижды просил прощения и ушел.

Утром у меня не было сил, я была вся искалечена, но все-таки пошла к отцу. Когда я пришла, он меня уже ждал в коридоре. Я ему сказала:

– Меня обидел бывший муж.

Отец положил руку мне на плечо, тихо провел по моим больным местам, дал мне гостинцев и сказал:

– Дома скушай, а я помолюсь.

Первый шаг я сделала с опасением, как бы не упасть, но, к моему удивлению, не почувствовала ни боли, ни тяжести. Пошла домой как на крыльях.

После смерти отца у меня врачи признали рак прямой

кишки. Я сильно похудела, упала духом, ходила с поникшей головой: отца уже нет, обратиться теперь не к кому, видно, придется ждать смерти.

Накануне того дня, когда надо было идти к врачу, вижу сон: стоит отец у аналоя с крестом на исповеди. По узкой тропинке друг за другом идут много-много людей к нему за благословением. Я к нему подошла с поникшей головой, как ходила в последнее время, а он говорит: «Выше голову держи, читай “Отче наш”». Я протянула к нему руки, чтобы принять благословение, но он сказал: «Неправильно сложила руки, надо сложить крестообразно». Сам три раза поправлял мои руки, а потом сказал: «Хорошо, я тебя благословлю, читай “Отче наш”».

Стоя перед ним, я громко и отчетливо прочитала молитву и проснулась от своего же громкого голоса.

В Пскове сделали мне рентген и сказали: «Рак атрофирован, оперировать не нужно». Тут я подняла выше голову, прочитала «Отче наш» и, радостная, поехала домой.

Мой сын, тоже духовное чадо отца, еще при жизни его взял без разрешения грузовую машину на работе и приехал ко мне в Печоры. Ему нужно было вовремя вернуться на работу, а бензин кончился. Я обошла всех знакомых шоферов, но бензина не достала, на базе без талонов тоже не давали. Я побежала к отцу со слезами. Келейница меня не пускает, не хочет его беспокоить. Я не уйду, ведь на него одна надежда. Отец услышал мои слезы, велел келейнице узнать, в чем де-

ло, и сказал, что купить бензин можно, но пусть сын до утра не уезжает. Дал два апельсина – сыну и мне.

Сын получил бензин, по святым молитвам отца, но нарушил благословение, понадеялся на свой разум и тут же уехал, за что и получил большие скорби. Его остановила милиция, выясняли, почему ночью едет на государственной машине без путевки. После проверки отпустили, но пошел сильный снег, занесло дорогу, машина дальше идти не могла, и ему пришлось ее бросить и идти 15 километров по пояс в снегу. Вот что значит своеволие.

Духовная сестра Т. из Овруча рассказала следующее.

В. уехала в Печоры к отцу, а мы с сестрами поехали в лес на лошади. Лошадь звали Вурчик, эта единственная на весь монастырь лошадка была закреплена за мной. Поработали, сели покушать, и лошадка паслась около нас, но вдруг исчезла. Все пустились на поиски, но безрезультатно. Я испугалась и кричу отцу:

– Отец, у нас лошадь пропала.

И лошадь сразу нашлась.

А в этот момент в Печорах В. идет в Успенский храм, и отец идет; подходят к нему за благословением, обращаются с вопросами, а он говорит:

– Да подождите, там кричат, что лошадь пропала...

Когда В. вернулась домой, Т. рассказала ей о случившемся. В. сразу вспомнила слова отца: «Подождите, кричат, что

лошадь пропала...»

Мы, трое, поссорились в двенадцатом часу ночи, а утром все трое пошли в обитель на исповедь. Исповедовал отец, он к нам обращается и говорит:

– Если камень бросить в глубокую реку, вода не возмутится, а если в лужу – возмутится. Так вот, надо быть не лужами, а глубокими реками.

Отец старался соединить тех, у кого были разные характеры, и притом говорил:

– На море камешки обтираются друг о друга и становятся гладкими.

Он не давал нам больших правил, не накладывал строгих постов, удерживал от больших подвигов, но всеми мерами выкорчевывал из нас страсти, смиряя на каждом шагу, стараясь отсечь у нас свою волю.

Великим постом мой отец причастился Святых Христовых Таин, но пришел знакомый, принес вина, закуски... Я с отцом поругалась и уехала в Загорск. У дверей храма меня встречает отец Савва и говорит:

– Сейчас же поезжай домой и с отцом своим обойдись ласково, это враг его искушает перед смертью.

Приезжаю домой, отец, как дитя, заплакал и говорит:

– Я сам не знаю, почему так сделал.

В то время он был совершенно здоров, но вскоре заболел. Перед смертью соборовался, несколько раз причастил-

ся. Умер в тот же день, как причастился. И всё это – по святым молитвам духовного отца.

Приехала из Тбилиси духовное чадо Д. вся расслабленная, особенно у нее болели ноги. Спрашивает отца, куда он ее благословит на квартиру с такими больными ногами, и думает: как бы поближе? А он благословляет ее в деревню за семь километров, и чтобы она ежедневно ходила в монастырь. За послушание она пошла и, по его святым молитвам, получила исцеление ног.

Господь сподобил меня грешную готовить обед для духовного отца во время его болезни. Однажды несу ему обед, и появилась у меня мысль: «Вот я хожу к отцу, стараюсь, готовлю, а когда же он скажет, хорошо или плохо я готовлю? Так и не знаю, нравится ли ему моя кулинария».

Прочитала молитву, получила благословение, ставлю обед на окно. Отец спросил, что я приготовила. Я перечислила. После этого отец говорит:

– Готовишь, ходишь, не благодарю и не хвалю. А благодарность получишь там (то есть на небесах).

Одна из чад отца из города Сочи рассказала следующее. Любит она посещать больных и при этом берет для них что-нибудь с панихидного стола. Однажды ей надо было посетить двух больных женщин. Но и сама она чувствовала се-

бя плохо. Еле-еле достояла литургию и решила, что сходит только к одной из больных. Подошла к столику и смотрит, что ей взять, чтобы нести не тяжело. Вдруг перед ней появился отец и говорит:

– Нет, не немножко, а вот то и это возьми и сходи к обеим больным.

– Батюшка, благословите, – сказала она, склонившись под благословение, забыв, что вот уже четыре года, как он умер, а когда подняла голову, его уже не было. Но она почувствовала такой прилив сил, так обновилась и обрадовалась, что взяла всё, что отец благословил взять, и сходила к обеим больным.

Вот и распределение после окончания учебы. Кого куда, а меня – в Удмуртию. Как быть? Просила оставить поближе к родителям (бабушка, дедушка старенькие, маме трудно) – отказ. Мама поехала к отцу. Стоит, ждет, и вот он идет из Михайловского храма, утомленный до предела, спускается со ступенек.

– Батюшка, дочь-то к удмуртам отправляют. Что она там одна, да и как мне без нее?..

– А мы сейчас помолимся, а ты иди на панихиду, за усопших там помолись, – и стал обратно подниматься в храм. – А дочка пусть не спешит.

Приезжает мама, говорит, что отец советовал не спешить.

– Так ведь всё уже решено. Подъемные получила, пора.

Иду снова к тем, кто отказал.

– Ну ладно, оставайся со своими стариками, – говорят мне.

Слава Богу! Благодарю отца за заботу и молитвы обо мне грешной.

Отец попросил нужную ему вещь, и я обещала привезти. Вскоре приезжает его келейница и говорит, что привезли из другого города. Ну что ж, думаю, значит, не возьму. Приехала в Печоры, а отец передает:

– Если привезла обещанное, пусть придет ко мне.

Погоревала – опять виновата. Где верность, твердость, дело, а не многословие с тщеславием?

И вот встречаем отца в Успенском храме:

– Эх ты, что же не привезла?

Я даже прощения не попросила – сразу в слезы. Плачу не переставая, и вдруг одна из духовных чад говорит:

– Батюшка, ведь и мы так же можем ошибаться.

– А я разве для нее только говорю?

Как тяжело, а сегодня надо уже уезжать, хоть бы что-нибудь еще услышать от отца. И вот у самого выхода он оглянулся и говорит:

– Не ошибается тот, кто ничего не делает.

За несколько дней до кончины отца взглянула на его фото и почувствовала такую жалость, близость и что-то невыразимое. Может быть, он мысленно прощался...

Когда отец приехал в Москву на операцию, мы с Е. И. за

ним ухаживали. Отец однажды сказал:

– Вот скоро в Москву соберется много спортсменов. Они сюда, а я – туда, – и рукой показал на небо.

Сбылись его слова: когда он скончался, в это время как раз в Москве в самом разгаре была Олимпиада.

Схимонахиня М., находясь у меня, смертельно заболела: температура 41, сознание теряет, я испугалась, стала молиться Богу, просить помощи.

Вдруг матушка заговорила в сонном состоянии, я обратилась к ней, она открыла глаза и говорит:

– Пришел о. Савва, спросил меня, как я живу. А я ему ответила: «Вашими святыми молитвами!»

Затем матушка сама, без моей помощи, повернулась к стенке и заснула опять, а утром она сама, как обычно, встала с постели, как будто и не болела.

Раба Божия Е. П., прочитав некоторые труды отца Саввы, загорелась желанием переписать их, а потом взяла его фото, пошла в фотоателье и попросила увеличить. А потом увеличенные фотографии отца Саввы раздала его почитателям. Сама она молилась за него, часто заказывала литургии. И ей явился отец во сне и сказал:

– Я за всех молюсь, кто за меня молится.

Приехали мы с мамой в Печоры и жили там уже неделю.

Я потеряла кошелек с деньгами, которые были оставлены на обратную дорогу. Мама меня ругает:

– На что теперь поедем?

Приходим вечером к отцу, а народу было много. Он протягивает через всех 20 рублей и говорит:

– У кого там нет денег на дорогу?

Трудно мне было в Печорах, и со здоровьем стало плохо. Отец благословляет меня ехать домой и устраиваться на работу, а куда – не сказал. Сердце мое горело только к храму. И вот во сне я вижу, что работаю в храме, готовлю всё к предстоящему молебну. Затем выходит из алтаря наш епископ и в сослужении наш отец – игумен Савва, и сразу запели: «К Богородице прилежно ныне притецем, грешнии и смиреннии...» Я оказалась сзади всех и рада была, что меня никто не будет видеть – буду молиться.

Проснулась в слезах, благодаря свою Заступницу, Матерь Божию, и дорогого отца, который указал мне дальнейший путь моей жизни. Радостно было на сердце оттого, что он присутствует здесь, в нашем храме.

Несмотря на всю строгость в то время ко мне батюшки, я никогда не мыслила искать себе другого духовного отца. Помоги, Господи, по молитвам Божией Матери и нашего дорогого молитвенника и чудотворца схиигумена Саввы, остаток жизни провести в покаянном чувстве, хотя бы к концу жизни постигнуть эту главную науку из наук – познать свое него-

жество и не отчаиваться, надеясь на милость Божию. Благодарю за всё, мой добрый пастырь!

На панихиде пели «Вечную память», а я подумала, стоя в толпе у самой двери: «Странно: неужели мы можем помнить человека вечно? Как это – вечная память?» Отец тут же стал объяснять:

– Вот некоторые из вас думают: а что это такое – вечная память? Может ли человек вечно кого-то помнить? Конечно нет, возлюбленные! Он и сам-то не вечен. А это мы просим у Бога, чтобы Он вечно помнил. Он-то – вечный!

Приехал ко мне в Загорск батюшка. Погода была хорошая, а потом пошел дождь, и стало грязно. Отец попросил у меня галоши. Я говорю:

- У меня таких больших галош нет.
- У тебя был муж, дай его галоши.
- Да у меня же нет!
- Как, а в диване новые галоши лежат.

Я посмотрела – и правда, там лежали новые галоши, о которых я совсем забыла.

Я часто слышала от окружающих, что в жизни надо быть мудрой. Мне указывали на мои недостатки, неопытность, большую доверчивость, простоту. И я старалась исправить-ся, пытаюсь искать мудрость в духовных книгах. И вот как-

то в Печорах, в храме, отец, проходя мимо, заметил:

– Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного.

И мне всё вдруг стало ясно и легко.

На исповеди отец стал перечислять мои грехи с такой точностью, что я даже вскрикнула:

– Ой, это мои грехи!

Меня мучила стенокардия в тяжелой форме, приступы продолжались сутками, много раз я была на волоске от смерти.

Однажды в храме отец сказал во всеуслышание, что у меня больное сердце. Одна из молящихся приходит к нам на квартиру, где я остановилась с детьми, и говорит, что, наверно, я скоро умру, если отец так сказал. Моя дочь стала плакать:

– Я и в храм больше не пойду: там сказали, что мама скоро умрет.

Утром все пошли в обитель. Дети побежали вперед и встретили отца, идущего в храм.

– Что у вас там вчера была за паника, что мама умрет? – спрашивает батюшка. – Мне Господь открыл, что мама ваша будет жить долго.

Прошло некоторое время, я чувствовала себя хорошо. Но после смерти мамы у меня снова участились сердечные приступы. Приехала к отцу, передала свою исповедь, где написала, что мне опять очень плохо. После литургии отец вы-

шел из алтаря, остановился около меня, посмотрел прямо в глаза, погладил меня по лицу и сказал:

– Сердце твое больше болеть не будет.

И я почувствовала в сердце какие-то толчки. После этого болеть я перестала, и не нужны мне стали никакие лекарства.

Когда я болела, то огорчалась на детей, что они мне не помогают. Приезжаю к отцу и спрашиваю: «Как быть?»

– Когда устанешь, то перекрестись и скажи: «Делаю ради Христа», и Христос тебе поможет.

Так я и стала поступать. Исчезли мои обиды, и усталости не стало. Как только почувствую, что раздражаюсь, прошу перед карточкой отца: «Отец, помогите, опять раздражаюсь». Приезжаю к нему, он говорит:

– Вот ты всё пишешь мне: «Раздражаюсь, помогите» (а я и не писала). В руке у отца иконочка Божией Матери «Неопалимая Купина», он дает ее мне и говорит: – Она помогает не только от пожара дома, но и от пожара души. Молись Ей.

Начала я молиться Божией Матери перед этой иконой. Мне сделалось легко, я перестала раздражаться.

На исповеди отец сказал, что не надо бояться душевнобольных. И, окинув всех взглядом, добавил:

– Здесь всё до единого больные, только в разной степени и в разной форме: у кого один, у кого два, у кого семь, а у кого – две тысячи бесов. И если мы раздражаемся, то мы больные.

Я думала: он берется очистить одну, у которой две тысячи бесов, а лучше бы всех нас вместо нее одной очистил, и были

бы все чистые. Он повернулся ко мне и говорит:

– Была одна больная, часто ходила к старцу, просила очистить ее. И когда старец ее очистил, то она стала неверующая. Она вернулась обратно, просит его: «Верни мне мою болезнь и верни мне мою веру». Старец ответил: «Много я трудился, чтобы очистить тебя, но еще больше надо трудиться, чтобы вернуть половину твоей болезни и половину твоей веры».

Подумалось мне, что после поездки к отцу я стала намного хуже, что напрасно ездила... Оставив исповедь, он подошел ко мне и говорит:

– Когда младенцу три года, мать берет его на руки и ласкает. Но когда ему уже двенадцать лет, то с него уже другой спрос, и мать его на руки не берет. Так и отец духовный: три года носит чадо на руках, а теперь с вас уже и спрос. – И сравнил меня с карликом: – Лилипут не растет или уродливо растет, тогда нужны уже подпорки: шлепки, испытания, скорби, напраслины.

Так в жизни духовной и бывает: за утешением следует скорбь. И чем сердцу больнее, тем полезнее, спасительнее для души. Другого пути нет. Все святые сим путем шли. И нам надо им подражать!

Заметила я на квартире, что схимницы и монахини не употребляли пищу до двенадцати часов дня и после шести часов вечера, а меня заставляли есть «за послушание». В душе я решила: приеду домой и тоже буду так делать. Наме-

рение свое решила держать втайне, никому не говорить об этом, даже отцу.

После литургии отец говорит всем:

– Вот посмотрите на Г. Она решила: как приедет домой, то не будет есть до двенадцати часов дня и после шести часов вечера. А муж ее за это из дома выгонит. После Петрова дня благословляю ехать на Украину и пить молоко, есть яйца, чтобы приобрести нормальный вид. И никакого режима в часах.

Я только поражалась: ничего от батюшки не скроешь!

Поссорились мы с дочерью. А в это время у отца была одна из наших чад. Отправляя ее домой, он передал для нас духи «Роза» и говорит:

– Там у Н. с Г. вспышка. Ух как! – и руками показал как. – Пусть они подушатся этими духами, а Г. скажи, чтобы она так больше не поступала.

После второй вспышки отец присылает нам розовое масло. Я серьезно обратила внимание на свою вспыльчивость и стала сдерживаться, даже сердитого вида не показывала дочери, вспоминая батюшкины слова: «Смирись перед детьми, ведь ты господствуешь над ними».

Отец мне сказал, чтобы я читала акафист Божией Матери, а какой, не сказал. По жребию я стала читать акафист Ахтырской Божией Матери, иконочку которой я получила от него как первое благословение.

И дочь моя начала изменяться. Через некоторое время

она мне призналась:

– Если бы ты, мама, поступала со мной грубо, ты потеряла бы меня навсегда.

По благословению отца мы поехали домой. В вагоне сестра улыбается.

– Что ты улыбаешься? – спрашиваю я.

– Отец сказал: «Будете ехать под стражей». И смотри: кругом нас солдаты.

Еще отец сказал Л., что ей предстоят похороны, на которых будут священник и врач. Приехала она домой. Через неделю – телеграмма: у брата ее мужа умерла жена. Они с мужем едут на похороны. Погода была ненастная: дороги занесло снегом. Народу собралось мало. Приехали только брат – священник и другой брат – врач.

У меня отнималось правое плечо, с большим трудом я могла положить крестное знамение. Лежала в больнице, но улучшения не было. Приехала к отцу. На исповеди он стал говорить о болезнях, потом приблизился ко мне, положил руки на мое больное плечо и с силой нажал. И я сразу перестала чувствовать боль. И до сих пор это плечо меня больше не беспокоит.

Заболели у меня глаза, резко падало зрение. Врачи предлагают операцию. Я поехала к отцу за благословением.

– На операцию сейчас не благословляю. Вот тебе масли-

це, будешь мазать, и закажи молебен с акафистом Казанской Божией Матери, – сказал мне отец.

Я всё сделала так, как благословил батюшка. Глаза мои болеть перестали, зрение остановилось на одном уровне.

Мне предложили красивую шерстяную кофту. Я решила спросить отца, можно ее взять или нет. Он ответил:

– Ну возьми, если будешь носить.

Я подумала: «А что это я ее не буду носить, она такая красивая». Но когда я ее постирала, то она стала мне мала. Так и не пришлось мне ее носить.

По моим жизненным обстоятельствам меня в моем городе не прописывали. Однажды вижу во сне: стою я перед портретом отца Саввы, меня благословляющего. Вдруг передо мной открывается картина: я в Печерском монастыре стою перед Успенским храмом. Выходит из храма отец, а я говорю ему:

– Меня не прописывают.

А он отвечает:

– Пропишут. Как пойдешь на кирпичный завод работать, так и пропишут.

В том городе, где я жила, кирпичного завода нет. Тогда я и помыслить не могла, что буду куда-то переезжать. Но отец, по своей прозорливости, предсказал это. И вот через несколько лет по семейным обстоятельствам я вынуждена была оставить родительский дом и переехать в Печоры.

Устроилась на кирпичный завод. И действительно, начальник сказал:

– Можно работать и прописаться.

Отец дал мне красивые тапочки, похожие на детские пинетки, и сказал:

– Раньше в таких тапочках в Михайловском храме на клиросе хористы стояли.

Я подумала тогда: «И зачем мне такие тапочки, где я буду в них ходить?»

Прошло с тех пор уже много лет, батюшки уже не было в живых, и вдруг мне предложили петь на этом самом клиросе. Я не знала, что ответить. Стою в храме в Светлую Пасхальную седмицу и прошу отца разрешить этот вопрос. Тут же вспомнила про тапочки, и сразу всё прояснилось. Не было ли это благословением? Думаю – да. И после смерти отец остается утешителем во всех наших нуждах, болезнях и печалях. Вот почему так всегда хочется в пещеры, к его гробу. Слава Богу за всё!

Зима в Псково-Печерском монастыре

Была всенощная на праздник преподобного Серафима Саровского, пели «Честнейшую», а Александра вдруг села. Я спросила:

– Ты что?

Она говорит:

– У меня ноги отнялись, – и заплакала.

Я подошла к отцу и сказала:

– У Александры ноги отнялись, а хочется, чтобы она завтра была на исповеди.

Он сказал только:

– Помолимся.

Домой она не могла идти, и мы повезли ее на санках. Утром тоже пришлось везти на санках, и всю службу она сидела. Отец исповедовал, и к концу исповеди мы ее посадили поближе к нему. Батюшка дал ей на развернутом платочке просфорочку и говорит:

– Твоей болезни врачи не помогут, – а еще – пузырек масла, – будешь мазать ноги.

К причащению мы ее подвели, а ко кресту она уже сама подходила. Домой пошла и сказала:

– Санки мне уже не нужны.

У нас не было воды, решили сделать колодец. Вырыли два, а воды нет, и рабочие уже стали уходить.

Я взмолилась: «Господи, молитвами отца Саввы, помоги! Вода мне необходима: мама больная, ребенок маленький, много нужно воды для стирки».

Уговорила рабочих, заставила их перекреститься, встала на колени, помолилась, покропила святой водой землю... Немного покопали и – чудо! – попали в жилу. Сделали колодец, и какая же в нем чистая, вкусная оказалась вода!

Опаздывала я на междугородный автобус, бегу и про себя кричу: «Отец, задержи автобус, а то мне здесь сутки сидеть». Автобус долго «чихал» и не заводился. Села я на свое место, перекрестилась, и мы, по милости Божией, поехали. Моя со-

сидка по сиденью говорит:

– Как будто вас ждали.

Но ей-то не расскажешь, что опять батюшка помог.

Отец дал нам с Е. послушание и благословил, чтобы к празднику сделали, разрешил даже в храм ходить редко, потому что послушание выше поста и молитвы. Но мне так захотелось увидеть батюшку! Думаю: «Я только сбегая, посмотрю на него – и обратно».

Пришла я, он как раз выходит из Михайловского собора. Все окружили отца, и я оказалась прямо перед ним. Он меня как будто не видит и немножко улыбается. Девочка дала ему пакет конфет, он взял, передает пакет стоящей за мной духовной сестре и говорит:

– Маргарита, там Н. трудятся с Е., передай Н. конфеты, утешь ее и скажи, чтобы она хорошенько работала.

А рядом стоит Елена и говорит:

– Да вот же Н., стоит перед вами.

А он улыбается и повторяет:

– Скажи же ей, чтобы хорошенько трудилась.

Я молча взяла пакет, вылезла из толпы и поспешила обратно.

Как отец мог так мудро обличать? Я больше поняла, чем если бы он меня поругал.

Узнала я о старце игумене Савве и обратилась к нему

письменно с просьбой принять меня в духовные чада. «Н. принял, пусть скорее приезжает», – передают мне слова отца.

Отпуска не предвиделось, а мне так хотелось съездить к батюшке. На работе руководитель подразделения вдруг спрашивает:

– Хочешь слетать в командировку в Ленинград?

Вылетела я самолетом, справилась с порученными делами, еду в Печоры. В конце литургии слышу:

– Отец будет служить панихиду в Сретенском храме.

Многочисленная толпа направилась туда, пошла и я. Судя по фотографии, думала: «Батюшка похож на отца Иоанна Кронштадтского, – наверное, высокий, представительный». С душевным трепетом иду к нему под благословение. И слышу:

– Ну вот и Н. К. Дай-ка я посмотрю на тебя в натуральную величину! Прочитал я твою исповедь. Ты как писатель, всё так литературно и подробно изложила. А ты думала, батюшка высокий, представительный, как Иоанн Кронштадтский?

Вот как отец отсекал у нас своеволие. Едем несколько человек в Печоры на праздник Успения Божией Матери. Всю дорогу я думаю о том, чтобы отец не направил на квартиру к А., чтобы не обличил в присутствии людей и чтобы весь отпуск провести в Печорах. Подходим к келье, выходит батюшка... и благословляет на квартиру к А. После службы стоим около колодца, ждем, когда он пойдет из Успенского

храма. Подходит отец и говорит при многочисленной толпе (в том числе из нашего города человек двадцать):

– Вот Н.! Создает группы какие-то. Нет, чтобы со всеми одинаково...

За давностью времени не помню всего сказанного отцом, зато помню, что мне в то время хотелось провалиться сквозь землю. Молча смотрела на крест на груди отца и черпала в нем силы.

Мои сестры Т. и А. впервые поехали к отцу в Печоры. Он благословил заказать сорокоуст по умершей в 1949 году нашей маме, прибавив при этом:

– Она умерла в немирном духе.

Действительно, мама, кроткая и смиренная, страдая от сильных болей, изменила своей натуре. На вопрос: «Мама, как нам жить?» – она безучастно ответила:

– Как хотите, так и живите.

Не оставил отец и нашего папу без своего внимания. В 1966 году мы с сестрой приехали в отпуск в Печоры. Отец, благословляя нас в дорогу домой, дал нам свою одежду для нашего больного родителя со словами:

– Переоденьте отца вашего в мою одежду и тут же снимите, а когда он умрет, положите его в ней.

У папы была гангрена. По святым молитвам отца нашего, папа отошел в вечность с молитвой на устах.

Я была в командировке в Москве. Мне дали сложную работу и определили срок – неделя. Проходит день, другой,

третий, а решение всё не принято. В среду вечером прихожу на квартиру (жила у духовной сестры Е. М.), рассказала ей о своем затруднении, и она мне посоветовала:

– Пиши отцу.

Коротко, как в телеграмме, обратилась к батюшке, прошу помочь. В четверг утром прихожу на работу, открываю справочник и вижу таблицу, с помощью которой разрешила все вопросы. Ко второй половине дня у меня уже всё было готово. Все удивились, как это можно сделать за такой короткий срок такую сложную работу. Они еще не знали, что работа выполнена, по молитвам отца, всего за шесть часов. Невозможное человеку возможно Богу! Так действенна и сильна молитва старца.

В 1980 году мы приехали в Печоры в Петров пост. Отец по состоянию здоровья почти не принимал. Последнюю литургию он был сослужащим 22 июня в Сретенском храме. Из-за слабости его здоровья и множества народа к батюшке было не подойти. Мысленно со слезами обращаюсь к нему: «Дорогой отец! Скажите мне хоть что-нибудь на прощанье. Мы завтра уезжаем и вас больше не увидим». Отец издали посмотрел на меня каким-то (если можно так сказать) благословляющим взглядом и сказал:

– Как апостолы на погребение Матери Божией слетались на облаках, так и...

В ночь с субботы, 26 июля, на воскресенье не нахожу себе места. Чтобы как-то успокоиться, взяла Псалтирь и читала,

читала... Какое-то беспросветное томление духа, слезы, не приносящие облегчения.

Утром 28 июля получили телеграмму из Печор и через некоторое время уже были в аэропорту. В кассах народу множество, но нам почему-то дают возможность пройти вне очереди. Собирались по одному, по два, по четыре, а когда стали садиться в самолет, нас оказалось двенадцать человек.

Тяжело было видеть отца в гробу, но в то же время он притягивал, хотелось быть рядом, не хотелось уходить. Некоторые из нас обоняли тонкий аромат, исходивший от гроба старца. Панихиды служились одна за другой, гроб окружали духовные чада и богомольцы. Все стояли с зажженными свечами... Незримое руководство и помощь отца столь ощутимы, что шагу не можешь ступить без его благословения.

В 1985 году меня поразила мучительная болезнь – остеохондроз поясничный с корешковым синдромом. Ни одно движение не обходилось без острой, режущей боли. Лежала без движения.

Навестила меня духовная сестра и говорит:

– Я буду делать тебе массаж с молитвой, буду натирать маслом, данным тебе отцом.

Дивны дела Твои, Господи!

После первого же массажа я могла шевелиться, хотя еще и с болью, а через месяц уже ходила с палочкой, а теперь, только за молитвы отца, я здорова по-прежнему...

Слава Богу за всё! И за то, что мы знали батюшку лично,

были на Божественных службах, получали от него благословение и руководство. Блаженнее же нас те, кто никогда не видели отца, но веруют в молитвенную помощь этого великого подвижника.

Вспоминаются счастливые годы, когда отец был еще с нами, на земле.

Как это было принято в нашем городе, уезжали к отцу сразу по десять и больше человек, особенно дети, конечно в сопровождении взрослых. Это был праздник: одни радуются, что едут, другие провожают с весельем. Отходит поезд от перрона... Те, что в поезде, облегченно вздыхают – наконец-то едем! Едем к отцу! А те, что остались, смахивают слезы, по-доброму завидуя уехавшим. Удивительно было то, что даже малые дети, пяти-семилетние, с легкостью расставались с родителями на целое лето, а когда после Успения Божией Матери надо было возвращаться по домам, расставаться со святой обителью, с отцом, плакали горькими слезами. Такова была привязанность чистых детских душ к старцу...

Приезжает Е. к отцу, благодарит за святые молитвы и исцеление. Несколько лет она состояла на учете в онкологическом диспансере и вылечилась святой водой и святым маслом по благословению отца Саввы. А тут – новая беда:

– Отец, помолитесь о моем младшем сыне: ему предстоит операция грыжи, а у меня и муж, и дочь умерли от аппенди-

цита, боюсь потерять и этого сынишку.

Отец дал ей святыни и сказал:

– Пусть мажет больное место, не умрет он.

Через некоторое время от грыжи и следа не осталось.

После кончины мужа каждый отпуск Е. проводила в Печорах. Родная ее сестра М. обратилась к отцу с просьбой помолиться о здравии и спасении болящей Е. Отец, утешая, сказал:

– Муж у Е. умер, но он же не молился, а она молится. Мы еще проживем. Я живу, и она будет жить, а как умру, так и она вскоре умрет.

После этого разговора Е. жила девять лет и умерла через год и восемь месяцев после кончины отца.

Отец наш, «чуткой душой прозревая вдаль», по своей дивной прозорливости знал беды и нужды не только приезжавших к нему, но и «сущих далече», утопавших в бурных волнах житейского моря.

Летом, еще при его жизни, поехали мы в Саров на источник преподобного Серафима. В Дивееве остановились переночевать у матушки Магдалины, которая жила с матушкой Варварой, насельницей Дивеевской обители.

Вспоминая прошлое, мать Магдалина рассказала о таких событиях.

– Всякое было. Однажды хотела на себя руки наложить от отчаяния и нужды, и если бы не отец Савва, не знаю, что было бы с нами.

Положение у нас было трудное. Едва построили келью на последние гроши и помощь добрых людей, как от нас с матерью Варварой отвернулись все сестры и запретили, по вражескому наваждению, приглашать нас на общую молитву. Мы не имели ни теплой одежды, ни постели, ни еды. Больную старицу Варвару я укладывала почти на голый пол. Добрые люди из приезжих подали большую просфору, и неделю я понемногу кормила только матушку. За пенсией надо было ехать по месту прописки в Москву.

Как-то вечером, когда мы совсем было пришли в отчаяние от бедственного положения, раздался стук в дверь.

Спрашиваю: «Кто?» Приятный женский голос весело ответил: «Открывай, тогда узнаешь».

Распахнула дверь – передо мной стоит девушка, вся нагруженная сумками, с рюкзаком за плечами. Вошли в келью, девушка назвалась Мариєю и объяснила: «Меня послал к вам мой духовный отец из Печор, игумен Савва. Благословил передать все эти вещи и съестные припасы, дал послушание жить в Дивееве до тех пор, пока всех не примирю».

Мария жила в Дивееве около месяца, объединила всех, примирила сестер и только тогда уехала. После отъезда Марии нужды мы больше не знали, и всё это – молитвами отца Саввы, – закончила свой рассказ матушка Магдалина.

Приехала семья на праздник Успения Божией Матери в Печоры. Мать и дочь неоднократно бывали у отца, а муж, И. Е., приехал впервые. В Москве посчастливилось купить

редкие ананасы, отдали их нести И. Е. и передать отцу. Подходят прямо с вокзала к келье отца. Он взял сумку с ананасами и говорит келейнику отцу Зосиме:

– Это унеси в келью, а то И. Е. скажет: «Вез-вез, нес-нес, а отец отдал кому-то».

И. Е. спрашивает потом с удивлением у жены:

– Откуда он про меня всё знает? Да еще назвал по имени-отчеству!

Отец наградил их гостинцами и отправил на квартиру, сказав:

– С И. Е. обходитесь внимательно и осторожно, не заставляйте его ходить в храм, пусть он ходит, когда сам захочет. Если у человека температура 40, а его заставить работать, он не сможет. Так и И. Е.: придет время, и он будет ходить в храм.

Прошло пять лет после кончины дорогого и незабвенного отца. И. Е. уже трудился в храме. В день ангела батюшки, как это принято в нашем городе, была заказная литургия в Покровском приделе кафедрального собора. Среди духовных чад был и И. Е.

М. попросила описать случай поразительной прозорливости отца, которую она испытала на себе.

М. жила в частном домике. По неизвестной причине в подполе развелись лягушки. Их было так много, что они покрыли все стены и стойки в подполе. Тогда М. взяла ДДТ и всех их уничтожила. Восемь ведер лягушек вынесла.

Приезжает к отцу. После литургии выходит он из Михайловского собора. Как всегда, окружили его духовные чада и богомольцы. Смотрит отец на М. и говорит:

– Бывает, что убьют лягушку, ну две. А тут – ведрами морить.

М. ахнула и упала отцу в ноги:

– Простите, батюшка!

– Давайте помолимся за нее всё, – сказал отец.

У меня были очень сильные головные боли, но я старалась терпеть и никому об этом не говорила. Стою в Успенском храме, рядом со мной ныне уже покойная матушка Митрофания. Отец, проходя мимо, обратился к ней и говорит, указывая на меня:

– Напиши тропарь на Усекновение главы святого Иоанна Крестителя и дай ей, – а мне: – Читай, голова болеть перестанет.

И действительно, как стала читать тропарь, головные боли прекратились.

Были мы в Печорах, стояли в храме, и среди нас очень высокая девушка. Когда вышел отец из алтаря, то она подумала: «Какой он маленький». А батюшка посмотрел на нее и говорит:

– А Н. какая высокая, а что хорошего – как телеграфный столб.

Она обиделась и пожаловалась хозяйке квартиры, что он так ее назвал. А та ей ответила:

– Отец так просто ничего не говорит. Может быть, ты что-нибудь про него подумала?

Тут она и вспомнила, как подумала про него, что он маленький. Тут же написала покаяние, попросила у отца прощения, и вся обида у нее прошла.

Моя знакомая Анна М., духовная дочь отца Саввы, во время отпуска всегда ездила по святым местам. Как-то перед Святой Пасхой ей дали отпуск, а сына должны были забрать в армию. Анна скорбит:

– Не придется мне нынче поехать в монастырь. Ведь сына вот-вот будут отправлять.

Я ее уговариваю поехать, а она колеблется:

– Нет, а то без меня отправят сына.

Сын тоже говорит:

– Поезжай.

Наконец она все-таки решила ехать.

Пока жила в Печорах, всё переживала:

– Не застаю сына дома. Я бы его благословила и иконочку ему с собой дала.

Перед отъездом мы вышли из церкви, на площади стоит отец Савва – как всегда, с народом. Мы подошли под благословение. Он благословил и говорит ей:

– Не вздумай сыну икону с собой положить: там выбросят.

Она обрадовалась, узнав, что сын дома. Слова отца оказались верны: сын еще несколько дней пробыл с матерью.

Однажды отец выходит из алтаря и говорит нам:

– Вот некоторые просят дать им за грехи епитимию. Да на каждого из вас Господь наложил Свою епитимию, только несите ее благодушно.

А я стою в храме в углу и плачу со своим горем. Восстал на меня родной брат (он очень пил). Никакой жизни нет, гонит меня из родного дома. От переживаний я заболела, рот искривило, нога волочится. Больная, парализованная, я приехала к отцу. Написала исповедь и описала домашнюю обстановку, прошу благословения уйти из родного дома на квартиру. Благословляя меня в дорогу домой, отец дал мне просфорочку и только сказал:

– Буду молиться.

На второй день, как я приехала домой, пришел ко мне брат и говорит:

– Сестра, вот что я надумал: отдай нам кладовую, а ты терраску возьми, сделаем тебе отдельный ход. И менять квартиру не надо.

Я, сдерживая радость, говорю ему:

– Делайте, как вам лучше.

Вскоре приезжает ко мне сестра, а у нас всё по-новому. И такая нам радость была с ней: и мы не мешаем, и нам не мешают. Я даже от паралича быстро поправилась. Вот какое

чудо сотворил Господь по святым молитвам дорогого нашего батюшки!

Но брат всё продолжал пить, хотя на меня больше не восставал и сказал даже однажды:

– А все-таки сестра – женщина хорошая.

Однажды отец дал мне молитву от пьянства и сказал, что ее надо каждый день сжигать после прочтения (40 дней так надо делать).

– Только жги не одна, а еще с кем-нибудь.

Так мы делали с его женой, как благословил отец.

Вдруг у брата заболела на ноге вена. Долго его лечили в больнице, всего измучили уколами. Хирург отпустил его домой отдохнуть. Брат меня просит:

– Помоги мне.

– Тебе только Господь поможет.

– А как?

– Надо каяться. Это всё грехи твои. А потом батюшка тебя причастит, и поправишься.

– А ты напиши мне мои грехи, – просит он меня.

Я всю ночь писала. Он прочитал, улыбнулся и говорит:

– Ты точно по пятам за мной ходила...

Больного приготовили, наказали, чтобы он не курил. И тут было искушение: поздно вечером лукавый наслал соседа-собутыльника. Пришел навестить больного, но тот сам отправил его:

– Поздно беседовать, приходи завтра.

Утром пришел священник, прочитал его исповедь, причастил, укрепил брата беседой. После этого он стал поправляться. В больницу больше не пошел, нога болеть перестала.

В 1967 году я написала исповедь, взяла старшую свою дочь, которая училась в первом классе, и мы поехали в Печоры просить отца Савву, чтобы он нас принял в духовные чада. Из нашего города тогда ездило много людей в Печоры. На службе вечером мне говорят:

– Вот отец идет, сумей ему передать исповедь.

Когда он приложился к мощам преподобномученика Корнилия и направился в алтарь, я ему в руку вложила исповедь. Он взял мой листок, а на меня даже не посмотрел.

Я сразу подумала: «Как он будет знать, чьи это грехи?» В отчаянии я отошла к иконе Успения Божией Матери, стала на колени и плачу. Вдруг чувствую, кто-то коснулся моего плеча, смотрю – отец Савва. От удивления слезы полились еще больше, и я еле проговорила:

– Возьмите меня в духовные чада.

Утешая, он сказал:

– Ты мое чадо, вот тебе моя фотография и молитвы.

Какая была радость!

Переехали мы с дочерью в Печоры и жили на квартире.

Однажды подхожу к отцу под благословение, а он говорит:

– Вам надо комнату.

Я решила, что он нас благословил сменить квартиру, и стала искать. Обошла много домов, но никто нас не пускал. И вот прошло несколько месяцев, и заведующая на работе мне говорит:

– Тебе дали комнату.

Я удивилась и думаю: «Смеются они, что ли, я ведь не писала и не просила». На следующий день она опять меня спрашивает:

– Ты ходила посмотреть комнату? Нужно ее занимать.

Тогда я пошла к отцу, чтобы спросить его благословения. Подхожу к его келье, а его келейница матушка Митрофания выходит и говорит:

– Идите скорее, занимайте комнату, отец благословил.

Мы еще не перешли туда жить, а он уже прислал нам несколько икон на новоселье.

Жила я на квартире. Как-то ходила в лес за грибами и потеряла ключ от квартиры, один на двоих (хозяйку и меня). Что делать? Идти к отцу или написать записку, чтобы он помолился? А до темноты надо успеть снова в лес, искать ключ.

«Звоню» отцу по «духовному телефону», то есть кричу своим скорбящим сердцем: «Отец, помолитесь за меня грешную, чтобы Господь ради ваших святых молитв сотворил чудо, чтобы мне найти ключ». И поспешила вернуться в лес. И – о чудо! – ключ нашла!

Вот что удивительно: достаточно просто написать отцу, и все трудности разрешаются. Всё просветляется, проясняется, делается понятным, и становится ясно и радостно. Нет, это не выразишь на словах...

Как-то пришла мне мысль, и я написала отцу: «Нельзя ли нам иметь в нашем роду священника, ведь грешить – нас много, а молиться у престола – некому?» И вот сразу же пошли чудеса. Сына взяли иподиаконом к владыке, а вскоре он поступил в семинарию. Мне грешной это так удивительно и не вмещается в сердце.

Или напишешь о какой-либо слабости у детей, попросишь помощи, и сразу же происходит изменение к лучшему. Какая это радость и счастье для матери!

Однажды молюсь я в Михайловском соборе, служба только началась, как вдруг слышу внушение: «Выйди». Я думаю: «Зачем это, ведь вроде бы незачем выходить!» Но опять слышу: «Выйди». Выхожу и вижу: у ступенек стоит отец и держит в руках пачку иконочек «Достойно есть». Дал мне, чтобы я всех утетила.

Приехала я помолиться в обитель. Попросила меня старица написать отцу, можно ли ей переехать в Печоры. Я написала и держу записку в руке. Отец готовился служить панихиду в Сретенском храме. А я всё думаю: как бы отдать ему записку? Вдруг он повернулся к народу и говорит:

– Вот тут хотят меня спросить, можно ли переехать в Печоры? Отвечаю всем: если есть такая возможность, переез-

жайте ближе к монастырю, и жизнь у вас будет иная.

Я приехала в Псков, отец Савва служил тогда в церкви преподобного Варлаама Хутынского. Владыка был в Германии и привез оттуда часы, их нужно было повесить на стену. Отец встал на табуретку и вбивает гвоздь, а рядом стоят двое мужчин. Я думаю: «Совсем у них совести нет, сами стоят, а отец забивает». Батюшка спустился с табуретки и говорит мне:

– Они не видят, где может гвоздь пройти, стена кирпичная, а я между кирпичей его направил, гвоздь как в дерево вошел.

Однажды захотела я причаститься. Вечером помолилась, покаялась и ложусь спать. Смотрю на фотографию отца и думаю: «Отец, отец, если бы ты во сне мне сказал о прощении моих грехов и благословил бы меня на принятие Святых Таин». Незаметно я уснула и вижу: отец подходит ко мне веселый, кладет мне на голову руку и говорит: «Прощаю и разрешаю».

Проснулась я от этих слов и продолжаю их слышать. На душе – неизреченная радость! Стало так легко, будто сто пудов с меня сняли. Господи, слава Тебе!

Слепой Иван подумал: «Совсем у меня носки рваные, хоть бы отец дал мне другие». И вот на другой день пришел в

монастырь на работу Игнат. Отец дает ему носки и говорит:
– Передай Ивану.

А Игнат в этот день не передал. На следующий день он пошел на работу, а отец спрашивает:

– Почему ты не отдал носки?

– Простите, батюшка, вечером снесу.

Приходит Игнат вечером и смеется. Я спрашиваю:

– Ты чего смеешься?

А он рассказал, как его отец обличил, что он не передал носки.

И еще два раза было. Прошу мысленно у отца: «Батюшка, дай мне брюки, мои уже износились». И отец с кем-нибудь присылает.

Дорогого батюшку, отца Савву, я впервые увидела в 1974 году. Отец взял меня в чада и сразу же благословил на Богородичное правило и дал большие монашеские четки. Его духовная дочь, с которой я приехала, говорит мне:

– Ну, будешь монашкой.

Она уже знала, что отец зря ничего не дает, а я еще ничего не понимала, да и монаха-то впервые увидела.

Вскоре мы переехали жить в Печоры, я устроилась на работу в больницу, работа мне очень нравилась. Но вот у меня появилось желание пойти в монастырь. В это время отец болел, я через келейницу спрашиваю у него благословения уйти в монастырь. Батюшка отвечает, что надо положить жре-

бий и написать на одной бумажке «больница», а на другой «монастырь». Я так и сделала. Помолившись, беру жребий, а там написано: «больница».

Велико было мое огорчение, но отец сказал:

– Больница – это второй монастырь, а ты молись Матери Божией Игумении – Она всё управит.

Это благословение я постаралась исполнить. Через некоторое время отец дал мне акафист Иисусу Воскресшему, где припев в иконе: «Христос Воскресе из мертвых...»

После смерти отца я поехала в Ригу, там встречаю сестер, его чад, которых он благословил ехать в Иерусалим. Они мне говорят:

– Пиши и ты прошение.

Я колебалась, но все-таки отслужила молебен и положила жребий и, помолившись, вытянула: «Есть Божие благословение». Пишу сразу же прошение и отсылаю, потом еду на неделю в пустыньку, хожу на послушание, а затем еду домой, в Печоры. Приезжаю утром, а в четыре часа дня приходит телеграмма – вызов в Патриархию насчет отъезда в Иерусалим...

Через год я уже, по милости Божией и по молитвам отца, так скоро (ведь другие ждали вызова по два-три года) попала в Иерусалим. И теперь мне ясно, почему отец тогда дал акафист Воскресению: ему всё было открыто, только всему и на всё свое время. Именно здесь, у Гроба Господня, ежедневно, неумолкающе поется: «Христос Воскресе...»

Мы с подругой поехали в Печоры к отцу Савве. Подруга была у него, когда ей было семь лет. Он ей дал тогда маленькие четки, и ее мать и крестная решили, что он ей предсказал этим монашество. А она этого не хотела. Я тоже не хотела, чтобы он мне дал четки. Но когда мы к нему попали, он рассеял наши переживания. Отец Савва сказал моей подружке, что когда происходит постриг, спрашивают, по своей воле ты принимаешь монашество. Если не хочешь, никто тебя не пострижет.

Прошло некоторое время. Я работала, а после работы пела в хоре. Уставала так, что была не в силах выполнять молитвенные правила. Вот тут-то я и стала себя ругать, что боялась получить от отца Саввы четки – такая нужда была в них.

И вдруг, буквально через день или два, к одной знакомой приехали из Печор, дают мне четки и говорят:

– Вот тебе от отца Саввы!

Когда ко мне вернулся дар речи, я спросила, кто же это их передал и откуда узнали, что именно мне они нужны. Они мне ничего не могли объяснить, только сказали, что отец Савва просил передать сюда, а кому они нужны, тот знает.

Я поступала учиться в регентский класс при Ленинградской духовной семинарии. Конкурс был очень большой, вступительные экзамены мало кто выдерживал, многие де-

вочки выходили из приемной комиссии в слезах.

Приближалась моя очередь. Мысленно я стала просить отца о том, чтобы мне не попались тропари двенадцатых праздников. Я знала их все, но там встречаются похожие начала и от волнения я могла их перепутать. В мыслях я просила батюшку, чтобы мне достались три вопроса: 50-й псалом, значение какого-либо слова или предложения из него и 90-й псалом.

Вдруг мне пришел на ум стих из 50-го псалма: И грех мой предо мною есть выну (см. Пс. 50, 5). Я и раньше задумывалась над значением этих слов, а тут вертятся эти слова в голове, хотя и стараюсь что-то еще повторить. Слышу, называют мою фамилию. Каково же было мое удивление, когда владыка задал мне именно эти вопросы, даже в том же порядке. А дополнительно он попросил меня объяснить значение стиха: И грех мой предо мною есть выну. Я объяснила, как могла. Сама же так развеселилась от всего происходящего, что не могла сдерживать улыбки. Так и вышла с экзамена улыбаясь...

Была годовщина кончины отца, и мы решили заказать литургию на его родине, в Новоминской. Одной сестре я поручила съездить и обо всем договориться, а всем чадам стала заранее говорить, где будет служба. И сама прошу святых молитв отца, чтобы всё устроилось и состоялось.

Пришло время ехать, и вдруг мне сообщают, что насчет

службы не договорились. Что делать? Остановить собравшихся уже невозможно, расстояние – четыре или пять часов езды, а священник не живет там, где служит. В надежде на чудо, на святые молитвы отца решаем: ехать.

Садимся в автобус, а с нами, оказывается, едет батюшка из той церкви, где мы хотели заказать литургию, но едет он в Ейск, у него туда билет. Стали просить его, объяснили, как всё получилось, а он никак не соглашается. В душе кричу отцу: «Помоги, вразуми батюшку, чтобы отслужил!» Доехали до Тимашевска, батюшка вышел попить воды, а потом приходит и говорит:

– Ну хорошо, отложу свое дело, поедем служить. Только надо предупредить регента и просфорню.

Приезжаем, начали служить вечерню. Людей мало, а такое было чувство, как будто полная церковь. Прошла половина службы, и приехали наши.

После службы стали устраиваться с ночлегом – кто куда. В. пошел ночевать к батюшке. Утром приходит и говорит:

– Службы не будет: батюшка всю ночь не спал, была сильная рвота.

Вскоре подошел и батюшка, говорит:

– Служить не смогу, заболел, всю ночь не спал.

Я ему говорю:

– Попросите старца отца Савву, он вам поможет.

Батюшка зашел в алтарь и вскоре возглас дал: началась служба. Он отслужил литургию, молебен, панихиду, а после

всего сказал:

– Всегда приезжайте, никогда не откажу.

Вот как проявил заботу о заказной литургии и о нас наш дорогой отец: всё сам устроил, всех утешил, а кого и подлечил.

В Псково-Печерском монастыре

Во время исповеди, которую проводил отец, я стоял и мысленно крестился, но сомневался – можно ли так делать? Хотелось, чтобы отец подтвердил или остановил. И вот он поворачивается в мою сторону и говорит:

– Некоторые здесь стоят и мысленно крестятся, это возможно.

Моя родная сестра переезжала в наш город. Контейнер разгружали у меня. Когда выгрузили все вещи, один из грузчиков стал уделять сестре внимание больше положенного, и сестра пригласила его отметить ее переезд в моей квартире. Зашли они на кухню, я их стала кормить. Потом пошла в свою комнату, помолилась и попросила отца: «Отец, дорогой, ты видишь, что этот человек не нужен в моем доме, чувствуется – не с добрым намерением он пришел, убери его, если есть на то воля Божия». И только я вернулась на кухню, как он, весь красный, подскочил и говорит:

– Я пойду.

Сестра его уговаривает, еще и вино не всё выпили, а он свое:

– Я пойду.

Выскочил, как ужаленный, бегом спустился по лестнице и побежал через дорогу. Сестра в недоумении спрашивает меня:

– Что ты ему сказала?

А я говорю, что ничего не говорила, только попросила отца, чтобы он его убрал.

Моя дочь выходила замуж, а у меня совсем не было денег, чтобы отметить это событие. Обратилась я к отцу с просьбой помочь, а потом думаю: не занять ли денег у родной сестры?

Дала телеграмму, и уже через несколько часов приносят мне перевод на ту сумму, что я просила. Я от удивления даже не обратила внимания, от кого пришел перевод. Когда рассмотрела, оказалось, что сын заработал в армии деньги и выслал мне.

В одной благочестивой семье дочь решила выйти замуж. Ее мать и бабушка были против этого брака, потому что жених был неверующий и некрещеный. Бабушка поехала к своему духовному отцу схиигумену Савве, и он сказал ей:

– Замуж за него внучка пусть выходит, он потом покрестится и будет добрым христианином.

Сочетались они браком и живут, а он и не думает креститься, даже слушать об этом не хочет.

И вот что случилось. Заболел этот мужчина, и врачи признали у него рак. Медицинская помощь очень мало облегчала его страдания, и кто-то посоветовал свезти его к «бабке», которая заговаривала всякие болезни. Когда они обратились к ней, то она сказала, что помогает только крещеным. И вот он стал просить, чтобы его окрестили. А когда это случилось, его коснулась благодать таинства, он почувствовал сердцем, что есть иная жизнь. Вылечить его не смогли, но умер он истинным христианином.

Отец прислал ко мне в Почаев двух духовных чад и благословил, чтобы я им сшила монашескую одежду. Я очень

растерялась и думаю: «Ни денег, ни материала, ни портнихи нет, да еще и сшить надо за неделю».

Рассказала я о своей скорби одному диакону, а он говорит: – Мне привезли материал, могу тебе дать.

И дал мне 30 метров ткани. Господь послал двух портних, и они всё сшили.

Я радостная с двумя большими узлами иду домой. Но злая сила тоже не спит. На дороге встретили меня двое мужчин, на вид прилично одетые, берут меня под руки и повели. Я подумала, что они поведут меня в милицию проверить, что у меня в узлах.

Свернули в переулок и скоро ввели меня в дом, где были и другие мужчины. Меня охватил ужас. Я, сколько хватило сил, внутренне кричала отцу, просила о помощи. А они посадили меня около столика, на котором стоял телефон. Кричу: «Отец, сделайте так, чтобы сюда позвонили по телефону и сказали, что сюда идет милиция!» Не успела я договорить последних слов – действительно звонок: «Немедленно уходите, идет милиция!» Меня схватили, вытолкнули в дверь, а сами ринулись к другому выходу. Такова сила молитвы нашего дорогого отца.

Один раз я приехала в обитель, побыла пять дней и больше не хочу там быть. Но отцу ничего не говорю. Он подходит ко мне, улыбается и говорит:

– Когда ведро воды наливаешь и вода льется через край,

то никакой нет пользы. Так и ты: получила благодать – и поезжай с Богом.

Я читала книги о пустынниках и мечтала о пустыне, а когда приехала к отцу на исповедь (он еще был в Загорске), он смотрит на меня и говорит:

– Вот некоторые думают о пустыне, а кто живет в общении и работает на фабрике, тот будет выше пустынников.

Стоим мы однажды с духовной сестрой, идет отец и говорит:

– Идите в Покровскую церковь, помолитесь да нищим подайте, не жалейте, а то некоторые считают свои копейки, что на хлеб, – и водит по ладони пальцем.

Мы пошли, и вдруг нищий просит, я подала, что у меня было, а сестра по ладони пальцем гоняет мелочь и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.